

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
И ИНФОРМАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

QUARTERLY
SCIENTIFIC-THEORETICAL
AND PRACTICAL INFORMATION
MAGAZINE

№ 1(33) • 2018

№ 1(33) • 2018

Периодичность – 4 номера в год
Издается с 2009 года

Frequency – 4 issues per year
Published since 2009

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-49493 от 20 апреля 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Certificate of registration of mass PI № FC 77-49493 of April 20, 2012 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications.

Учредитель: Кубанский государственный университет.

Founder: Kuban State University.

Адрес редакции: 350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская 43, Юридический факультет Кубанского государственного университета.

Address for correspondence: 350000, Krasnodar, Rashpilevskaya St. 43, Law Faculty Kuban State University.

Тел.: +7 (861) 268-29-02

Tel.: +7 (861) 268-29-02

E-mail: yur-vestnik_kubgu@mail.ru

E-mail: yur-vestnik_kubgu@mail.ru

Адрес издателя: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская 149, Кубанский государственный университет.

Publisher Address: 350040, Krasnodar, Stavropolskaya St. 149, Kuban State University.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре Кубанского государственного университета. 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская 149.

Printed in the Publishing Center, Kuban State University. 350040, Krasnodar, Stavropolskaya St. 149.

Журнал размещен в научной электронной библиотеке Library.ru – <http://elibrary.ru/issues.asp?id=31967>

The magazine is available in the Scientific Electronic Library eLibrary.ru

Адрес сайта: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31967

URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31967

Входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI)

Компьютерный набор, верстка и перевод А.Ю. Морозов

Computer typesetting, layout & translation Morozov A.U.

Подписано в печать

Signed in print

Уч.-изд. л. Тираж 1000 экз.

1000 copies

Заказ №

Order number

На обложке журнала известная гравюра средневекового немецкого художника Альбрехта Дюрера, изображающая работающего Эразма Роттердамского. Его фигура олицетворяет универсализм ученого, в интеллектуальном труде которого нравственные императивы являются главными в построении мысли.

On the cover of the famous woodcut of a medieval German artist Albrecht Dürer depicting the working of Erasmus of Rotterdam. His figure represents the universality of the scientist, the intellectual work that moral imperatives are essential in the construction of thought.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР (И.О.)

Потапенко Сергей Викторович – д-р юр. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Кубани и Республики Хакасия, почетный работник судебной системы, декан юридического факультета КубГУ, завкафедрой гражданского процесса и международного права КубГУ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Руденко Александр Викторович – д-р юр. наук, доцент, завкафедрой криминалистики и правовой информатики КубГУ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гладышева Ольга Владимировна – д-р юр. наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, завкафедрой уголовного процесса КубГУ.

Ковтун Ольга Андреевна – канд. юр. наук, доцент, завкафедрой конституционного и муниципального права КубГУ.

Коняхин Владимир Павлович – д-р юр. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ, завкафедрой уголовного права и криминологии КубГУ.

Лупарев Евгений Борисович – д-р юр. наук, профессор, завкафедрой административного и финансового права КубГУ.

Жинкин Сергей Алексеевич – д-р юр. наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования, завкафедрой теории и истории государства и права.

Щенникова Лариса Владимировна – д-р юр. наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, завкафедрой гражданского права КубГУ.

EDITOR IN CHIEF

Potapenko Sergey Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Kuban and the Republic of Khakassia, Honorable Member of Judiciary, Dean of Law Faculty of the Kuban State University, Head of the Civil Procedure and International Law, Kuban State University.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Rudenko Aleksandr Viktorovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Forensic and Law Informatics; Kuban State University.

EDITORIAL BOARD

Gladysheva Olga Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the of the Department of Criminal Process, Kuban State University.
Kovtun Olga Andreyevna – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law; Kuban State University.

Konyakhin Vladimir Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Distinguished Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology; Kuban State University.

Luparev Eugene Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, Kuban State University.

Zhinkin Sergey Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education, Head of the Department of Theory and History of State and Law.

Shennikova Larisa Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Civil rights, Kuban State University.

Верстова М.В. Особенности синдрома эмоционального выгорания персонала исправительных учреждений	4	Verstova M.V. Features of the emotional burnout syndrome of correctional staff
Даниелян А.С. К вопросу о перспективе легализации лоббистской деятельности в Российской Федерации	7	Danielyan A.S. On the issue of the prospect of legalization of lobbying activities in the Russian Federation
Долгов А.М. О процессуальном порядке возбуждения уголовного дела капитаном судна	9	Dolgov A.M. About the procedural order of initiation of legal proceedings by the captain of the vessel
Завьялов В.А. Задачи, решаемые при проведении тактических операций	12	Zavjalov V.A. The tasks solved by tactical operations
Калужина М.А. К вопросу расширения направлений оперативно-розыскной деятельности на современном этапе	14	Kaluzhina M.A. On the issue of expanding the areas of operational-search activity at the present stage
Князькина А.К. Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма как основание криминализации «сопутствующих» террористических преступлений	16	Knyazkina A.K. Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism as the Basis of Criminalization of "Related" Terrorist Crimes
Лупарев Е.Б. Правовое регулирование нестраховой медицины в зарубежных странах	18	Luparev E.B. Legal regulation of not insurance medicine in foreign countries
Мигачева А.Ю. О некоторых проблемах института недостойных наследников в свете реформы гражданского законодательства	22	Migacheva A.Y. On Some Problems of the Institution of Unworthy Heirs in the Light of Reform of Civil Code
Паршина Н.В. Становление военного духовенства Кубанского казачьего войска: историко-правовой аспект	24	Parshina N.V. Formation of the military clergy of the Kuban Cossack army: the historical and legal aspect
Хиль И.М. Общее и особенное категорий: легитимность, законность и правопорядок	26	Khill I.M. General and special categories: legitimacy, legality and law and order
Щенникова Л.В. История одного преступления и ее уроки, позволяющие уточнить содержание гражданско-правового принципа неприкосновенности собственности	29	Shchennikova L.V. The history of one crime and her lessons allowing to specify the content of the civil principle of inviolability of property
Требования к публикации	33	Publication Requirements

Особенности синдрома эмоционального выгорания персонала исправительных учреждений

Статья посвящена психологическим особенностям синдрома эмоционального выгорания у персонала исправительных учреждений. Рассмотрены психологические аспекты работы с данной категорией.

The article is devoted to the psychological peculiarities of the syndrome of emotional burnout in the personnel of correctional institutions. The psychological aspects of working with this category are considered.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания.

Keywords: emotional burnout syndrome.

Реформирование пенитенциарной системы сопряжено с решением широкого круга психологических проблем по укреплению дисциплины сотрудников, обеспечению их личной безопасности, созданию благоприятного морально-психологического климата в служебных коллективах. Одними из приоритетных направлений работы пенитенциарных психологов являются своевременная профилактика различных форм отклоняющегося и деструктивного поведения, предупреждение чрезвычайных происшествий, а также повышение психологической подготовленности персонала исправительных учреждений¹.

Среди приоритетных направлений важнейшим является организация пенитенциарной социально-психологической службы. Деятельность пенитенциарных служб отличается необходимостью вступать во взаимодействие с правонарушителями. При отсутствии у сотрудника достаточного уровня нравственной и психологической устойчивости часто наблюдается развитие синдрома эмоционального выгорания. При этом синдром негативно влияет на деловое общение работника и эффективность его служебной деятельности.

Результаты исследований последних лет, проведенных разными авторами, широко представили многогранность внедрения социальной работы и проблемы развития синдрома выгорания как одного из направлений профилактики. Это теоретические и практические исследования феномена эмоционального выгорания (Г.Фрейденбургер, К. Маслач, В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, Р.М. Грановская) и работы, содержащие теоретико-методологической основы пенитенциарной социальной работы (А.Я.

Гришко, Е.И. Холостова, В.И. Курбатов, О.В. Соколова)².

По-прежнему остро стоит проблема теории и практики противодействия развитию дестабилизирующего феномена. В данной работе внимание акцентируется на практическом аспекте проблемы.

Целью работы послужило выявление эффективных методов работы с сотрудниками с позиции профилактики синдрома эмоционального выгорания у пенитенциарных служащих.

Предметом явилось исследование профилактики синдрома эмоционального выгорания у персонала исправительных учреждений.

Пенитенциарная социально-психологическая работа специфична по субъектам деятельности. В какой – то степени наряду с другими функциями большинство сотрудников исправительного учреждения (начальники отрядов, воспитательный аппарат, психологи, врачи, инспектора по трудовому и бытовому устройству осужденных, а также руководители исправительных учреждений) занимаются социальной работой с осужденными.

Будучи включенной в государственную систему социального обеспечения в качестве ее составной части, социально-психологическая работа с персоналом исправительных учреждений придает ей целостность, завершенность, а также качественно совершенствует структуру³.

Социально-психологическая работа с личным составом представляет собой комплексную деятельность по оказанию социальной помощи и поддержки, осуществлению социальной защиты сотрудников. В работе изучены социальные гарантии, предоставляемые государством: работа

¹ Прокопьев В.В. Актуальные вопросы профилактики синдрома «выгорания» сотрудников УИС. Вестник Владимирского юридического института. 2007. №2. С. 85–92.

² Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. Санкт-Петербург, 2009. 336 с.

³ Выгорание персонала. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.readcube.com/articles/10.1111/j.1540> (дата обращения 25.10.2017).

проводится с нуждающимися в материальной, морально-психологической, юридической или иной социальной помощи.

В ходе исследования мы выявили различия между сотрудниками исправительных учреждений с низким и высоким уровнем выгорания по методике В.В.Бойко «Диагностика эмоционального выгорания». Подробно охарактеризовали усредненные личностные профили сотрудников с разной степенью выраженности синдромом выгорания⁴.

В исследовании выступили в роли респондентов 81 сотрудник ИУ, из них 59 мужчин и 22 женщины. Соотношение различного числа исследуемых по половому признаку, объясняется спецификой служебной деятельности.

Возраст испытуемых от 21 до 49 лет, средний возраст 34 года. В свою очередь, среднее значение вызвано низким пенсионным возрастом.

Стаж работы до 5 лет включительно имеют - 25 человек.

Исходя из анкетных данных, мы определили две группы, где равное количество сотрудников распределяется между стажем от 6 до 10 лет и больше 11 лет - по 28 человек в группах. В группе сотрудников синдром эмоционального выгорания не сформировался у 49% респондентов (40 человек). У 30% синдром эмоционального выгорания сформировался (24 человек). В стадии формирования у 21% (17 человек) сотрудников.

Таким образом, в результате проведенной методики, 38% респондентов продемонстрировали уже достаточно высокий уровень эмоционального выгорания (выше 100 баллов); 29 % респондентов - средний уровень выгорания (выше 80 баллов); 33 % - относительно небольшой уровень эмоционального выгорания до 79 баллов.

Среднее значение суммарного балла эмоционального выгорания по В.В. Бойко у персонала исправительных учреждений составило 99,1 балла, стандартное отклонение для данной выборки составило 35,1 балла.

Распределение суммарного балла эмоционального выгорания достаточно равномерно, что позволило выделить группу с «высоким уровнем эмоционального выгорания» для данной выборки (более 100 баллов), которая составила 38% (31 человек) и группу с «низким уровнем эмоционального выгорания» (менее 79 баллов), которая составила 33 % (27 человек) сотрудников.

Группа «среднего уровня профессионального выгорания» составила 29% (23 человека).

Проведенное исследование позволило определить, что одна из трех фаз «выгорания» у подавляющего большинства обучающихся находятся в стадии формирования.

У сотрудников развивается процесс эмоционального выгорания. Сравнение различных фаз эмоционального выгорания указывает на то, что

интенсивнее всего формируется фаза «Резистенция» (42%), которая энергетически и эмоционально является наиболее затратной. Данный факт может говорить о том, что, при проведении своевременной профилактической работы большее количество сотрудников может справиться с негативными проявлениями синдрома профессиональное выгорания.

Тем не менее, анализируя данные, не могли не обратить внимание на складывающуюся фазу «Истощения» у 23% обследованных. В этом случае дальнейшая мобилизация резервов психологической защиты индивида становится невозможной. Поэтому физиологические и психологические симптомы этой фазы – фактически крик о помощи. При продолжающемся развитии этой фазы наступает тяжелое заболевание.

С целью выявления личностных факторов, влияющих на возникновение выгорания, необходимо сравнить личностные качества присущие профессионалам обеим группам. Для диагностики этих качеств был использован многофакторный личностный опросник Р.Кеттелла⁵.

Как следует из анализа, усредненные показатели испытуемых расположены в пределах «статистической нормы» (с 4 до 7 баллов) по факторам методики: «F» – озабоченность–экспрессивность, «I» – жесткость–мягкосердечность, «Q1» – консерватизм–радикализм, Q2 – конформизм (зависимость от группы)– неконформизм (самостоятельность), Q3 – низкий– высокий самоконтроль, Q4 – расслабленность – напряженность:

В ходе исследования нами также был проведен сравнительный анализ между средними величинами личностных характеристик сотрудников двух групп: с низким уровнем выгорания и с высоким уровнем.

У сотрудников с высоким уровнем выгорания шкалы, отвечающие за консерватизм–радикализм, конформизм – неконформизм, низкий– высокий самоконтроль, расслабленность – напряженность и имеют наивысшее среднее значение, по сравнению с остальными. Преобладание этих личностных факторов у группы с высоким уровнем профессионального выгорания характерно для людей самодостаточных, озабоченных планированием и умеющих гибко подчинять себя правилам и решать нестандартные профессиональные проблемы [4]. Исходя из разницы показателей на рисунке 5 значение фактора «F» определяет профессионалов с позитивным отношением к жизни.

У рассматриваемой группы шкалы, средние показатели которых выше, чем у группы с низким уровнем выгорания, являются факторы «А», «Е», «Н», «I» и «О».

⁴ Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. Санкт-Петербург, 1999. 105 с.

⁵ Выбойщик И.В., Шакурова З.А. Личностный многофакторный опросник Р. Кэттелла. Челябинск, 2007. 54 с.

Дополняя характеристику специалистов с высоким уровнем выгорания, мы отмечаем показатель «А», описывающий сотрудников как людей, которых привлекает труд в обществе других людей, и в тоже время готовых полагаться на самих себя.

Значимые характеристики: умение найти выход, открытость, склонность к лидерству, способность выдерживать большие эмоциональные нагрузки и противостоять усталости при работе с людьми. Но пограничное значение дает основание полагать, что проявление подобных черт может быть не стабильным. Работа с осужденными отличается напряженностью, повышенной ответственностью и сверхнормативностью. Поэтому мы наблюдаем повышающееся значение тревожности («О») у группы с высоким уровнем выгорания, которое может оказывать негативное влияние на активность и результат трудовой деятельности специалистов ИУ. Выделим, что следует совершенствовать потенциал кадров за счет профилактических работ, противодействующих распространению профессиональному истощению.

Методом анкетирования мы получили от испытуемых данные о возрасте, стаже, названии отдела, в котором работает каждый из опрошиваемых.

Мы рассмотрели количественные показатели синдрома профессионального выгорания. Проанализируем возможную зависимость выгорания от стажа работы.

На рисунке показано соотношение выгорания в группах со стажем работы менее 5-ти лет, между 6 и 10 лет и стажем больше 11 лет. Как видно в группе сотрудников, стаж которых составляет 5 лет и менее, выгорание сформировалось у 43%. У 56% респондентов этой группы синдром не выявлен.

В группе со стажем от 6 до 10 лет выгорание сформировано у 21% респондентов. Это ниже, чем в первой группе. Отсутствует синдром выгорания у 16% исследуемых. В стадии формирования у 25%.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в группе сотрудников со стажем больше 11 лет синдром сформировался у 36%. Сотрудники, у которых отсутствует выгорание, в этой группе опрошенных 28%. Как и в предыдущей группе в стадии формирования 25% респондентов.

Таким образом: Проведенное исследование позволило определить, что одна из трех фаз «выгорания» у подавляющего большинства обучающихся находятся в стадии формирования. У персонала исправительных учреждений развивается процесс эмоционального выгорания. Сравнение различных фаз эмоционального выгорания указывает на то, что интенсивнее всего формируется фаза «Резистенция». Выявленный спад сформированности фазе «Истощение» позволил предположить, что сотрудники сопротивляются симптомам эмоционального выгорания.

Результаты исследования частично подтвердили первоначальную гипотезу, синдром эмоционального выгорания развивается в процессе профессиональной деятельности и у молодых специалистов, и у сотрудников с опытом более 11 лет равносильно.

Также было определено, что содержание явления «эмоционального выгорания» у пенитенциарных служащих обусловлено рядом внешних (связанных с условиями деятельности) и внутренних (связанных с особенностями личности сотрудника) факторов.

Основываясь на полученные данные методикой Р.Кеттелла «16-ти факторный личностный опросник», в работе изображены усредненные личностные портреты персонала исправительных учреждений с разной степенью выраженности синдрома выгорания. Сравнивая обновленные характеристики, мы разработали психограмму специалиста, который готов сопротивляться дестабилизирующему феномену.

Таким образом, результаты рекомендованы в практику пенитенциарной социальной работы по снижению выраженности синдрома эмоционального выгорания, его симптомов и факторов возникновения.

А.С. Даниелян
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры гражданского процесса и международного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

К.С. Литовко
студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

К вопросу о перспективе легализации лоббистской деятельности в Российской Федерации

В статье рассматривается актуальное состояние законодательного регулирования лоббистской деятельности и перспективы легализации лоббизма. Дается краткий исторический обзор развития идеи урегулирования лоббистской деятельности в РФ. Анализируется соотношение коррупции и лоббизма, дается характеристика актуальному состоянию лоббизма в РФ как комплексного социального явления. Озвучиваются возможные положительные последствия легализации лоббистской деятельности.

The article examines the current state of legislative regulation of lobbying activities and the prospects for legalizing lobbyism. A brief historical overview of the development of the idea of settling lobbying activities in the Russian Federation is given. The correlation between corruption and lobbyism is analyzed, and the current state of lobbying in the Russian Federation as a complex social phenomenon is described. Possible positive consequences of legalization of lobbying activity are sounded.

Ключевые слова: лоббизм, легализация лоббизма, правовая система России, продвижение интересов, цивилизованный лоббизм.

Keywords: lobbyism, legalization of lobbyism, the legal system of Russia, promotion of interests, civilized lobbying.

С переходом Российской Федерации на рыночную экономику у граждан и юридических лиц, которые имеют притязания на продвижение своей частной воли через органы государственной власти, появились правовые основания для таких действий. Они получили свое нормативное регулирование в ст. ст. 30-33 и п.2 ст. 45 Конституции РФ¹. Признается, что данные правовые положения являются конституционными основами лоббистской деятельности².

Несмотря на фактическое закрепление положений, дающих право лоббировать свои интересы в органах государственной власти, легального закрепления лоббистской деятельности в законодательстве все еще не предусмотрено, данные положения Конституции РФ еще не получили нормативного развития. В условиях переходного состояния экономики, а за ней и всего устройства общества, обуславливающих изменения форм взаимодействия общества, бизнеса и государственной власти, исследование института лоббистской деятельности и перспектив его

законодательного регулирования представляется актуальным.

В научной литературе отсутствует единогласие касемо определения термина «лоббизм», однако больших споров о сущности данного явления не возникает. Как правило, под лоббизмом понимаются схожие явления. В работе под лоббизмом будем понимать «законные действия представителей негосударственных организаций в ходе контактов с представителями государственных органов и органов местного самоуправления с целью добиться принятия (или не принятия) органами власти решения в соответствии с интересами социальных групп, выражаемыми указанными организациями»³. Хотелось бы обратить особое внимание на законность как необходимую черту лоббизма. Зачастую, лоббизм отождествляется гражданами РФ с коррупцией, что не соответствует его сути. В данном контексте, И.О. Агапов⁴, отмечая сходство субъекта, объекта и содержания коррупции и лоббизма, главным разграничением этих явлений называет законность методов, которые используются лоббистами. Для

¹Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс

²Бятец М.В. Лоббизм в правотворческой деятельности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 46–52.

³ Цит. по: Камнев Д.Г. Выработка новых подходов к трактовке лоббизма в России: поиск оптимальной модели взаимодействия власти и бизнеса // Общество, государство, право. 2012. № 2 (6). С. 4.

⁴ Агапов И.О. О сопоставимости и соотношении лоббизма и коррупции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 18–24.

разграничения лоббизма и коррупции предлагается позитивная формула- «всё, что не является лоббизмом – коррупция». Однако для применения этой формулы на практике, очевидно, необходимо четкое легальное закрепление лоббистской деятельности, которого, как уже было отмечено нами выше, в законодательстве РФ сегодня нет.

В то же время, попытки нормативно урегулировать лоббизм совершались с мая 1993 года, когда была организована международная конференция, посвященная исследованию лоббизма⁵. В 1995 г. был выработан законопроект «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти»⁶. Однако принят он не был и в дальнейшем не рассматривался. С 2008 г. начинается новая волна заинтересованностью этой тематикой со стороны государства, и в Национальных планах противодействия коррупции систематически в том или ином виде появляется информация о необходимости выработки стратегии по нормативному закреплению лоббизма. Особенно подробно это было рассмотрено в Национальном плане по противодействию коррупции на 2014-2015 годы⁷. Там впервые дается легальное определение лоббизма как деятельности граждан и организаций по продвижению интересов социальной группы или индивида в государственных и муниципальных органах в целях принятия наиболее благоприятного для данной социальной группы или данного индивида решения. Легальная трактовка лоббизма так же дается в региональном законодательстве. В ст. 38 Закона Краснодарского края «О правотворчестве и нормативных актах Краснодарского края» под лоббизмом понимается деятельность специально уполномоченных на то лиц по информационному взаимодействию с правотворческим органом края с целью выражения интересов соответствующих организаций в региональном правотворчестве⁸.

В своем идеальном виде лоббистская деятельность является оптимальным способом донесения гражданским обществом, бизнесом своих потребностей и интересов до государственных органов. Под «идеальным» лоббизмом в данном случае понимается лоббизм «цивилизованный», законный. Одна из главных его особенностей – нормативное закрепление и регулирование, способствующие прозрачности этой деятельности в целом. Как было отмечено выше, в РФ лоббизм не закреплен на законодательном уровне. Таким образом, отнести его к «цивилизованному» нельзя. Форму лоббизма, существующую сегодня в РФ относят к теневому (дикому, неформальному)

лоббизму. Методы, которые используются в данной форме, очень тесно соприкасаются с коррупционными, зачастую переплетаясь с ними. На фоне такого положения вещей, учитывая общий правовой нигилизм граждан РФ, лоббистская деятельность воспринимается ими негативно. Как правило, не берутся во внимания положительные черты лоббизма, как средства взаимодействия общества в лице профсоюзов, бизнеса, общественных организаций и государства. Граждане не разделяют лоббистскую деятельность и действия, связанные с коррупцией. Данные явления в их сознании синонимичны и взаимозависимы. О необходимости их четкого разграничения мы писали выше. Этому разграничению в сознании граждан, на наш взгляд, кардинально поспособствовало бы легальное закрепление лоббизма. Сегодня настоящие лоббисты используют для донесения своих частных интересов легальные методы: экспертные заключения, опросы, митинги, демонстрации, публикации в СМИ и др. Однако из-за отсутствия законодательного регулирования им приходится противостоять и не на равных конкурировать с другими «лоббистами» - коррупционерами, стремящимися не убедить, а просто подкупить представителя власти, при этом испытывая на себе негативное давление общественного мнения и отождествление себя с вышеназванными коррупционерами.

Перед переходом к рассмотрению конкретных перспектив легализации лоббистской деятельности, хотелось бы ответить на возможное мнение о том, что лоббизм как социальный институт априори не нужен и все его проявления необходимо искоренять и запрещать так как уже существует институт донесения частных интересов до представителей власти – представительные органы власти. На наш взгляд, данное мнение было бы несостоятельным. Во-первых, представительные органы призваны реализовывать не отдельный частный интерес, а интерес широкой общественности, во-вторых, из-за бюрократии, загруженности депутатов мобильность, динамичность органов представительной власти не может отвечать социальным потребностям в решении конкретных проблем избирателей. Предлагаем в данном споре придерживаться позиции, что лоббистская деятельность дополняет работу депутатов, представляя интересы большего количества населения, реализуя тем самым один из

⁵URL:

http://lobbying.ru/content/sections/articleid_1089_linkid_42.html (дата обращения 04.01.2018).

⁶ Цит. по: Теплов О.М. К вопросу о концепции Федерального закона о лоббистской деятельности // Юридический мир. 2015. №9. С. 60–65.

⁷ О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 - 2015 годы: Указ Президента РФ

от 11.04.2014 № 226 (ред. от 15.07.2015) // Собрание законодательства РФ, 14.04.2014, № 15

⁸URL:

<http://www.kubzsk.ru/basic/normdocs/zakonPravotvor.php> (дата обращения 04.01.2018)

основных принципов демократии – обязательный учет мнения меньшинства⁹.

По вопросу перспектив законодательного регулирования лоббистской деятельности существуют неоднозначные мнения в научной литературе. Некоторые ученые считают, что необходимость закрепления лоббизма еще не наступила, другие безоговорочно поддерживают законодательное урегулирование этой сферы. Как бы там ни было, государство, очевидно, берет курс на создание нормативной базы лоббистской деятельности. Так, в качестве первого этапа закрепления лоббизма считают принятие пакета поправок, получивших название Закона «Об иностранных агентах». Проводится аналогия с подобным актом 1938 г., предвещавшим закрепление лоббизма в США¹⁰. Упоминание необходимости выработки стратегии нормативного закрепления лоббизма в Национальном плане по противодействию коррупции так же указывает на то, что законодатель увидел необходимость в легализации лоббистской деятельности. Учитывая общемировую политическую конъюнктуру и появление новых коррупционных скандалов внутри страны, достаточный уровень фактического присутствия лоббистской деятельности в общественных отношениях, считаем, что закрепление института лоббизма на законодательном уровне более чем возможно. На наш взгляд, данное закрепление привело бы, в

частности, к следующим положительным последствиям:

- выведение экономических взаимодействий, связанных с продвижением частных интересов, из тени и обложение их налогом;

- улучшение отношения граждан к лоббистской деятельности и легальное разграничение её с коррупцией;

- создание возможностей для контроля со стороны общества и бизнеса за чиновниками и представителями власти, повышение прозрачности процесса и причин принимаемых управленческих решений;

- повышение международного статуса РФ, создание понятных и легальных механизмов взаимодействия с органами власти по вопросам продвижения частных интересов.

В заключении, подчеркнем, что сложившиеся общественные отношения, закрепление правовых основ, разрешающих лоббистскую деятельность в Конституции РФ, соответствующие проекты законов о лоббистской деятельности, все учащающиеся упоминания о лоббизме в официальных источниках, принятие закона «Об иностранных агентах» свидетельствуют о закономерном процессе, ведущем к постепенной легализации лоббистской деятельности. На наш взгляд, данная легализация явилась бы положительным и закономерным итогом, отражающим цивилизованное и качественное развитие РФ в условиях рыночной экономики.

А.М. Долгов
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

О процессуальном порядке возбуждения уголовного дела капитаном судна

Статья посвящена исследованию норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок возбуждения уголовного дела капитаном судна. Предлагается внести изменения в действующее законодательство.

The article is devoted to the study of the rules of criminal procedure legislation regulating the procedure of initiation of criminal proceedings by the captain of the vessel. It is proposed to amend the current legislation.

⁹Агапов И.О. О сопоставимости и соотношении лоббизма и коррупции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 18–24.

¹⁰Василенко А.И. Принятие закона «об иностранных агентах» как первый этап на пути к правовому регулированию лоббистской деятельности в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3 (25). С. 44–58.

Ключевые слова: капитан судна, возбуждение уголовного дела, производство неотложных следственных действий.

Keywords: captain of the ship, initiation of criminal proceedings, the production of urgent investigative actions.

Капитан судна является одним из участников уголовно-процессуальных отношений, определенных в главе 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), и относится к участникам уголовного процесса со стороны обвинения.

Статьей 40 УПК РФ регламентирован перечень органов и должностных лиц, относящихся к органам дознания. Так, органами дознания являются органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, органы Федеральной службы судебных приставов, начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

Указанные органы прямо определены в законе как органы дознания.

Помимо данных органов, в части 3 статьи 40 УПК РФ, поименованы органы и должностные лица, на которые возлагается возбуждение уголовного дела в порядке, установленном статьей 146 УПК РФ, и выполнение неотложных следственных действий. Именно к такого рода должностным лицам и относится капитан судна.

Помимо уголовно-процессуального законодательства часть 1 статьи 69 Кодекса торгового мореплавания содержит положение, согласно которому на судне, находящемся в плавании, капитан судна возбуждает уголовное дело публичного обвинения и осуществляет неотложные следственные действия в соответствии с УПК РФ¹.

Вместе с тем, в ходе реализации указанных уголовно-процессуальных норм возникают определенные вопросы.

Так, например, только лишь капитан судна, находящегося в дальнем плавании, наделен полномочиями, указанными в части 3 статьи 40 УПК РФ.

Понятие дальнего плавания судна не нашло своего отражения в уголовно-процессуальных нормах и это оправданно.

Указанное понятие должно быть закреплено в иных правовых нормах, регламентирующих вопросы мореплавания.

Однако, по нашему мнению, правовая дефиниция данного понятия должна быть закреплена на законодательном уровне, так как к нему придется обращаться для определения

необходимости применения уголовно-процессуальной нормы законодательного уровня.

По мнению Т.В. Кашаниной значение дефиниций велико, они несут довольно серьезную смысловую нагрузку, что не позволяет их считать второстепенным способом выражения содержания права².

Определение места нахождения понятия дальнего плавания в законодательных нормативно-правовых актах, посвященных вопросам судоходства и мореплавания, также позволило бы избежать такой возможной правотворческой ошибки, как дублирование юридических предписаний.

При указании в УПК РФ на обязательность нахождения судна в дальнем плавании, в случае возбуждения капитаном судна уголовного дела и производстве неотложных следственных действий, законодатель обязан был убедиться в наличии такого понятия в законодательных актах других отраслей права, детальное изучение которых позволяет сделать вывод об отсутствии такого понятия.

Не совсем ясно вправе ли капитан судна, выполняющего рейс во внутренних территориальных водах Российской Федерации, воспользоваться полномочиями, предоставленными ему УПК РФ, либо для этого необходимо совершать рейс с выходом в международные морские воды.

Практический ответ на данный вопрос осложняется тем, что, как возбуждение уголовного дела в порядке статьи 146 УПК РФ, так и производство неотложных следственных действий, является обязанностью капитана судна, при обнаружении признаков преступления на судне, а не его правом.

Вместе с тем, законодательством недостаточно урегулированы условия наступления такой обязанности.

Непринятие капитаном судна своевременных уголовно-процессуальных мер может в свою очередь повлечь за собой утрату доказательств по делу, не привлечение преступника к уголовной ответственности, а в целом невыполнение основного назначения уголовного судопроизводства.

Так, по мнению В.А. Азарова без должной борьбы с преступностью, без раскрытия совершенных преступлений и изобличения преступников, в России невозможно эффективно

¹ «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 29.12.2017). М. 2018.

² Кашанина Т.В. Юридическая техника : учебник. 2-е изд., пересмотр. М., 2011. С. 182.

защищать личность, ее права и свободы, а также интересы общества и государства³.

Капитан судна не обладает обширными познаниями в уголовном судопроизводстве, в связи с чем ему для выполнения полномочий, предоставленных УПК РФ, необходимы конкретные нормы, предписывающие совершение определенных процессуальных действий при наступлении каких-либо условий.

Действующий уголовно-процессуальный закон таких норм не содержит.

Оправданно то, что законодатель предъявляет требования о нахождении в дальнейшем плавании капитану морского судна, но не совсем логично то, что законодатель предъявляет требования о нахождении в дальнейшем плавании капитану речного судна.

Кроме отсутствия ясности с определением нахождения судна в дальнейшем или не дальнейшем плавании, закон не содержит процессуальной регламентации проведения проверки сообщения о преступлении капитаном судна, ведь указанному должностному лицу предоставлено право возбуждения уголовного дела именно в порядке, регламентированном статьей 146 УПК РФ, содержание которой посвящено возбуждению уголовного дела публичного обвинения.

Порядок проведения проверки сообщения о преступлении предусмотрен статьей 144 УПК РФ, а перечень решений, принимаемых по результатам такой проверки содержится в статье 145 УПК РФ.

Отсутствие процессуальной возможности проведения проверки сообщения преступлении капитаном судна до возбуждения уголовного дела, и отсутствие процессуальной возможности принятия иного решения, помимо возбуждения уголовного дела, напрямую сказывается как на результатах последующего расследования, так и на правах лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела.

Единство уголовно-процессуальной формы предполагает как единство законодательства, регламентирующего уголовно-процессуальные правоотношения, единство принципов уголовного процесса, так и единство основных процессуальных гарантий прав участников уголовного процесса.

Уголовный процесс представляет собой четкую систему стадий, следующих друг за другом, что позволяет сделать вывод о стадийности процессуальных действий.

По общему правилу, установленному законом, для возбуждения уголовного дела необходимо проведение проверки сообщения о преступлении. К указанному положению законом предусмотрено исключение в виде возбуждения уголовного дела мировым судьей по делам частного обвинения. Данная процессуальная форма подробно регламентирована законодателем, что позволяет

избежать нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Процедура «экстраординарного» возбуждения уголовного дела без проведения проверки сообщения о преступлении капитаном судна законодателем не урегулирована, что, в свою очередь, делает невозможным законное производство предварительного расследования с соблюдением прав участников такого расследования.

Так, лицо, подозреваемое в совершении преступления, имеет право дать соответствующее объяснение в связи преступлением, предположительно им совершенным.

Возбуждение уголовного дела без отбирания объяснения от подозреваемого, очевидцев преступления и иных лиц может быть преждевременным и, соответственно, незаконным.

Следует также обратить внимание на то, что законодательством капитану судна предоставлено право возбуждения исключительно уголовного дела публичного обвинения.

Между тем, ряд преступлений, которые могут произойти на судне, относятся к делам частного публичного обвинения.

Например, преступления, предусмотренные статьей 116 «Побои», частью 1 статьи 131 «Изнасилование», частью 1 статьи 132 «Насильственные действия сексуального характера» и др.

Отсутствие процессуальной возможности возбуждения уголовного дела по делам частного публичного обвинения нарушает права потерпевших, предусмотренные статьей 42 УПК РФ, и не отвечает назначению уголовного судопроизводства, которое заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Между тем, по справедливому мнению В.А. Семенцова поиск эффективных и адекватных характеру и уровню преступности процессуальных средств, обеспечивающих решение задач раскрытия каждого преступления и изобличения преступника, неотвратимости и справедливости наказания за совершенное преступление, при условии соблюдения и защиты прав участников уголовного судопроизводства, составляет одно из направлений государственной политики борьбы с преступностью⁴.

Указанные недостатки законодательства могут быть устранены только путем внесения изменений в закон. В качестве итогов исследования сформируем следующий вывод:

Представляется, что в части 3 статьи 40 УПК РФ необходимо указать, что ее действие распространяется на капитанов судов, без указания о нахождении их в дальнейшем плавании. Полномочия лиц, упомянутых в данной статье необходимо

³ Азаров В.А. Феномен судебного контроля: заметки на полях трех диссертаций // Судебная власть в России: закон, теория и практика: Сб. ст. по итогам Международ. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 358.

⁴ Семенцов В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве. Дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2006. С. 6.

расширить, предоставив им право рассмотрения сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ и принятия решения по результатам проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 145 УПК РФ.

Указанное внесение изменений в нормы закона будет отвечать целям уголовного судопроизводства и являться гарантией соблюдения прав участников уголовного процесса.

В.А. Завьялов
преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Задачи, решаемые при проведении тактических операций

В науке не сформировано единого подхода к определению задач, решаемых тактическими операциями, мнения ученых разнятся, ряд из них указывает, что тактические операции решают стратегические задачи, другие говорят о том, что тактические операции решают тактические задачи. В ходе исследования изучаются понятия тактических и стратегических задач, данные учеными-криминалистами, различные классификации тактических задач, на основе чего, делается вывод о том, что тактические операции решают тактические задачи различных видов.

Among scientists there is no single approach to defining the tasks which could be solved with the help of tactical operations. The opinions of this problem differ. One of the researchers believe that tactical operations solve strategic tasks; others claim that tactical operations solve tactical tasks. The paper analyzes: the concepts of tactical and strategic tasks, which are defined by forensic scientists. It also touches upon various classifications of tactical tasks. The result of the work done allow us to conclude that is tactical operations solve tactical tasks of different types.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, тактические операции, тактические задачи, стратегические задачи.

Keywords: forensic tactics, tactical operations, tactical tasks, strategic tasks.

В следственной практике широко используются тактические операции, под которыми, мы понимаем, упорядоченную совокупность следственных (судебных) действий, оперативно-розыскных мероприятий, соответствующих процессуальных решений, и иных процессуальных и непроцессуальных действий, проводимых по единому плану под единоличным руководством, обусловленная сложившейся следственной ситуацией, для решения тактических задач, когда иными средствами невозможно решить такую задачу.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению задач, решаемых при производстве тактических операция. Некоторые ученые указывают, что тактические операции решают промежуточные задачи¹, другие указывают, что тактические операции разрешают тактические или же стратегические задачи. В частности, В.К. Гавло указывает на решение тактических и стратегических задач в ходе проведения тактических операций².

Чтобы прийти к выводу о характере решаемых задач тактическими операциями, необходимо

разобраться с содержанием тех или иных, стоящих перед следователем.

Традиционно в криминалистической науке выделяют следующие виды криминалистических задач: стратегические и тактические. Под первыми понимают, такие задачи, при решении которых устанавливаются элементы предмета доказывания по конкретному уголовному делу, принимаются процессуальные и тактические решения. При помощи тактических задач достигается стратегическая задача расследования³.

Если рассматривать более детально понятие и содержание тактических задач, но можно обратиться внимание на определение, данное С.Ю. Якушиным, который понимает под тактической задачей, «определенную совокупность конкретных вопросов тактического характера, необходимость решения которых вытекает из возникшей следственной

¹ Криминалистическая тактика: учеб. пособие для академического бакалавриата/ под ред. Л.Я. Драпкина. М., 2015. С. 19.

² Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул, 2006. С. 161.

³ Подр. см.: Волчечкая Т.С. Криминалистическая ситуация: Монография. / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. М., 1997. 248 с.; Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М., 1993 328 с.; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. 416 с.

ситуации в целях эффективного расследования преступлений.»⁴

Интересной представляется позиция в определении тактических задач В.Е. Карнаухова, который рассматривает тактические задачи, через соотношение следственной ситуации и тактических целей, определяя тактическую задачу, как часть процесса расследования, отражающую отношение между ситуацией расследования и тактической целью, определяющую способ действия⁵.

Однако, стоит отметить, что данные определения не отражают вспомогательной функции, второстепенной, обеспечивающей роли тактических задач при достижении стратегической.

В свою очередь тактические задачи подразделяются:

а) по функциональному направлению: розыскные (с целью установления местонахождения интересующих следствие объектов), исследовательские (отражают необходимость исследования объектов, и восприятие и уяснение отраженной в них информации), организационно-управленческие задачи (создание благоприятных условий);

б) организационно-технические задачи (обеспечивающие оптимальные внешние условия и необходимые организационно-технические средства деятельности);

в) по субъектам их постановки: задачи, поставленные следователем, задачи, поставленные при содействии специалистов, задачи, выработанные коллективно, к примеру, следственно-оперативной группой;

г) по уровню решения задач: исходные (направленные на обнаружение, фиксацию и изъятие источников доказательственной информации), промежуточные (направлены на установление доказательственных фактов), конечные задачи (обеспечивают принятие тактических и процессуальных решений, определение предмета доказывания по уголовному делу);

д) по приоритету решения: первоочередные, последующие задачи;

е) по их содержанию: задачи, определяющие необходимость изменения сложившейся следственной ситуации по делу, задачи, определяющие

необходимость, использовать сложившуюся следственную ситуацию по делу;

ж) по характеру решения задач: простые (способ решения данной задачи известен субъекту расследования), сложные задачи (отсутствует однозначный способ решения задачи).

Также предлагается классификация тактических задач на 1) тактические задачи, решаемые путем проведения тактических приемов; 2) тактические задачи, разрешаемые посредством тактических комбинаций; 3) тактические задачи, решаемые при проведении тактических операций⁶.

Тактические операции решают, как правило, следующие задачи: установление и задержание лица, совершившего преступление, и решение вопроса о привлечении его в качестве обвиняемого; обнаружение скрываемого похищенного имущества; выявление соучастников преступной деятельности; выявление дополнительных эпизодов преступной деятельности⁷.

Отвечая на поставленный ранее вопрос о виде задач, решаемых тактическими операциями, необходимо сопоставить вышенаписанное с сутью тактических операций. По нашему мнению, при помощи тактических операций невозможно обеспечить решение стратегических задач расследования, то есть определить предмет доказывания, который определяется требованиями действующего законодательства и обстоятельствами уголовного дела.

Таким образом, сопоставляя тактические задачи с тактическими операциями, можно сделать вывод о том, что при помощи тактических операций может осуществляться поиск интересующих следствие имущество, трупов, людей и иных объектов, также при осуществлении тактической операции возможен поиск, обнаружение носителей информации (к примеру, поиск и установление информации на месте происшествия), по средствам тактической операции возможно исследовать и уяснить обстоятельства совершенного преступления, определить доказательственные факты (к примеру, задержание с поличным). Следовательно, тактические операции решают тактические задачи, без классификационных ограничений.

⁴ Якушин С.Ю. Тактические задачи и средства их решения в уголовном судопроизводстве: основные итоги исследования // Вестник экономики, права и социологии, 2014. № 1. С. 112.

⁵ Курс Криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В.Е. Карнаухов. М., 2000. С 244.

⁶ См. под.: Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография / под общ. ред. Н.П. Яблокова. М., 2002. 308 с.; Якушин С.Ю. Тактические задачи при расследовании

преступлений: понятие и виды // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 152, кн. 4. 2010. С. 206–212; Криминалистика: информационные технологии доказывания. Учебник для вузов / под ред. В.Я. Колдина. М., 2007. 752 с.

⁷ Саламаха Ю.А. Основы организации тактических операций: учеб.-практ. пособие. Екатеринбург, 2003. С. 9.

К вопросу расширения направлений оперативно-розыскной деятельности на современном этапе

Основываясь на результатах анализа содержания задач современной оперативно-розыскной деятельности, автор приходит к выводу о том, что они во многом выходят за пределы противодействия преступности. Разделяя точку зрения специалистов – противников расширительного толкования оперативно-розыскной деятельности приводятся аргументы в обоснование данной позиции.

In the given article basing on the results of the analysis of modern operational and investigative activities tasks, the author comes to the conclusion that in many respects they go beyond the limits of combating crime. The author admits experts point of view of the broad interpretation of operational-search activity, there some arguments in support of this position.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, нормативно-правовое регулирование, борьба с преступностью.

Keywords: operatively-search activity, normative-legal regulation, struggle against criminality.

Современное понимание оперативно-розыскной деятельности связано с представлением о ней как научно организованной и объективно необходимой системе мер по борьбе с преступностью. В силу её преимущественно негласного характера этот вид государственной деятельности традиционно является предметом не только пристального внимания, но и дискуссий относительно допустимости её средств и методов, нравственной состоятельности.

Последние законодательные новеллы кардинальным образом изменили представление о сущности оперативно-розыскной деятельности, расширили пределы её использования не только в уголовных, но и административных, арбитражных, налоговых, трудовых (кадровых) правоотношениях, когда по результатам оперативно-розыскной деятельности принимаются различные решения, имеющие серьезные правовые последствия.

В соответствии с внесенными в ч. 3 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ изменениями результаты оперативно-розыскной деятельности могут направляться в налоговые органы для осуществления контроля и надзора за соблюдением законодательства о налогах и сборах; обеспечения интересов государства в делах о банкротстве; в сфере государственной регистрации юридических лиц.

Тем самым оперативно-розыскная деятельность вышла за рамки уголовной политики. Это послужило основанием для доктринальных

изысканий и разработки проблематики расширения направлений её использования, что в конечном итоге опровергает тезис о том, что оперативно-розыскная деятельность – средство исключительно борьбы с преступностью. Среди ученых, исследующих расширительно оперативно-розыскную деятельность, нужно выделить профессора А.Ю. Шумилова, указывающего, что добывать, оценивать, анализировать оперативно-розыскную информацию следует гораздо шире, а результаты оперативно-розыскной деятельности направлять не только в уголовный процесс, но и в гражданский, арбитражный процессы и т.п.²

Констатируя сегодняшний этап развития оперативно-розыскного права как значимый, В.А. Гусев говорит об оперативно-розыском (а не исключительно уголовно-процессуальном) аспекте допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по делам об административных правонарушениях в области налогов и сборов³.

Таким образом, взгляды ряда ученых на содержание задач современной оперативно-розыскной деятельности во многом выходят за пределы противодействия преступности. С одной стороны, по мнению данной группы исследователей, современная оперативно-розыскная деятельность – это конгломерат прежней административной оперативно-проверочной работы, контрразведывательной деятельности и политического сыска, а с другой – правовое средство

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

² Шумилов А.Ю. О видах и направлениях современной оперативно-розыскной деятельности: к постановке проблемы // Оперативник (сыщик). 2013. № 4 (37). С. 24.

³ Гусев В.А., Осипенко А.Л. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при реализации отдельных полномочий налоговых органов и в арбитражном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 135–140.

предоставления результатов в уголовный, гражданский и арбитражный процессы.

Попытаемся разобраться, насколько эта тенденция целесообразна в развитии, поскольку в действующем законодательстве не обосновывается её легитимность и объективная необходимость выделения её дополнительных направлений, выходящих за пределы решения задач оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, она не отвечает обозначенным в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» задачам. Какие же основания имеются для этого, и есть ли необходимость в самостоятельном правовом регулировании данного направления?

В Российской Федерации оперативно-розыскная деятельность является деятельностью государственных органов и осуществляется «в целях защиты, жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств». Из нормативных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» следует, что оперативно-розыскная деятельность направлена на специфический объект. Это – преступление и все, что с ним связано, предшествует ему или сопутствует. Отсюда следует, что деятельность государственных органов по предотвращению и раскрытию преступлений не может ориентироваться на решение задач, не связанных с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений.

Процесс осуществления оперативно-розыскной деятельности неизбежно затрагивает права и свободы личности, независимо от того, преследуются ли её интересы при проведении оперативно-розыскных мероприятий, носят ли эти мероприятия нейтральный характер или же они направлены на изобличение этого лица в совершении преступления.

В этой связи профессор К.К. Горяинов обоснованно задается вопросом о соответствии нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, положениям Конституции РФ⁴. Таковую позицию учёных следует отнести к противникам расширительного толкования оперативно-розыскной деятельности.

Разделяя данную точку зрения, заметим, что применительно к современным конституционно-правовым реалиям конституционную законность формирует эффективная реализация положений Конституции РФ. При таком подходе, полагаем, правоохранительная функция по государственной защите прав и свобод человека, гарантированных Конституцией РФ, направленная на защиту основ конституционного строя, правового статуса личности, общественной и государственной

безопасности не может реализовываться расширительно. В обоснование нашей позиции приведем следующие аргументы.

Во-первых, нельзя защищать основы конституционного строя России – демократического правового государства, пренебрегая правами личности, которые согласно Конституции РФ, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность власти. Невозможно обеспечивать общественную и государственную безопасность, нарушая правопорядок и вызывая общественное недовольство или возмущение. «Лишь применение законных и соразмерных средств и методов, – подчеркивает О.А. Вагин, – способно вызвать общественное доверие и поддержку правоохранительных органов и тем самым обеспечить режим безопасности и общественного порядка, который образует почву для благоприятного развития личности, обеспечения её прав и законных интересов»⁵.

Во-вторых, применительно к оперативно-розыскной деятельности речь идет о допуске самой Конституцией РФ ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, что свидетельствует о реализации принципа соразмерности ограничения прав личности охраняемым конституционным ценностям. Тем самым допустимость и правомерность ограничения конституционного права может быть оценена лишь в контексте конституционных ценностей и вытекающих их положений Конституции критериев необходимости, разумности, соразмерности, равенства.

В-третьих, оперативно-розыскная деятельность как уголовно-правовой институт крайней необходимости – сложная сфера правоохранительной деятельности, её осуществление нередко балансирует на грани морали, права и целесообразности, носит характер риска для должностных лиц, органов, её осуществляющих, и лиц, оказывающих содействие им, затрагивает конституционные права личности. Применение таких мер должно быть морально и социально обосновано, иметь статус коллективного мнения большинства правопослушного общества и соответственно выражать необходимость и целесообразность. Оперативные сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность юридически должны уважать понятия, сформулированные в законе, однако в силу ограниченности гласности, это положение на практике не всегда возможно контролировать: проведение оперативно-розыскных мероприятий, их деятельность в большинстве случаев остается неизвестной для объектов оперативно-розыскной деятельности.

⁴Горяинов К.К., Щетнёв Л.Е. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий как праводопустимые пределы ограничения прав человека // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 3. С. 7.

⁵Вагин О.А. Конституционная законность оперативно-розыскной деятельности. Цит. по: Актуальные проблемы теории: сб. науч. трудов / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М., 2017. С. 85.

Тенденция к расширению направлений использования результатов оперативно-розыскной деятельности не может быть оправдана ни условиями экономического кризиса, ни криминальной обстановкой в стране. Вынужденность использования подобных репрессивных мер в постоянном режиме ассоциативно изменяет стереотипы мышления, устраняет возможность поиска компромиссных моделей разрешения конфликтных ситуаций в обществе.

Таким образом, способы разрешения ситуации следует искать в других направлениях, оперативно-розыскная деятельность не может осуществляться

вне установленных законом её целей и задач, с отступлением от оснований, условий и порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий, без соблюдения строгих правил и пределов действий должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В научной доктрине действующие законодательные новеллы требуют дальнейшего научного осмысления, а также исследования перспектив правового регулирования оперативно-розыскных процедур получения оперативно значимой информации для всех видов правоохранительной деятельности и отправления правосудия.

Князькина А.К.
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма как основание криминализации «сопутствующих» террористических преступлений

В статье рассмотрены вопросы криминализации «сопутствующих» террористических преступлений в относительно новом международном акте – Дополнительном протоколе к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма и корреспондирующие им нормы УК РФ.

Some questions of criminalization of "related" terrorist crimes in such concerning new international act as Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism and corresponded their norms of the Russian Criminal Code are considered in the article.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, «сопутствующие» террористические преступления, Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, международные договоры.

Keywords: Terrorism, Terrorist Activity, "Related" Terrorist Crimes, Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, International Treaties.

Анализ «сопутствующих» террористических преступлений, прежде всего, требует определения, что следует понимать под самими этими преступлениями.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹ терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. В этой же статье содержится дефиниция террористической деятельности, включающей в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и

реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

¹ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 6 июля

2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

Перечисленные в общем виде деяния были детализированы в ст. 205–205⁵ УК РФ. «Ядром» преступного проявления терроризма является осуществление террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ, остальные же противоправные деяния носят субсидиарный (дополнительный, вспомогательный или производный от него) характер, т.е. имеют своей целью в том или ином виде оказать содействие лицам, в конечном итоге совершающим террористический акт. Именно этот круг деяний и предлагается именовать «сопутствующими террористическими преступлениями».

На международном уровне эти преступления предусмотрены рядом договоров, в числе которых Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г.², Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г.³, Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 г.⁴, Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. (в ред. от 27 ноября 2015 г.)⁵.

Особый интерес представляет относительно недавно принятый Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 22 октября 2015 г.⁶, который существенно расширил перечень «сопутствующих» террористических преступлений за счет криминализации: 1) участия в ассоциации или группе с целью совершения террористических актов (ст. 2); 2) подготовки террористов (ст. 3); 3) пересечения границы в террористических целях (ст. 4); 4) финансирования поездки за границу с целью терроризма (ст. 5); 5) организации или иного содействия выезжающим за границу с целью терроризма (ст. 6).

Участие в ассоциации или группе с целью совершения террористических актов означает участие в деятельности какой-либо ассоциации или группы в целях совершения или содействия совершению одного или нескольких террористических преступлений.

В УК РФ содержатся две статьи, предусматривающие ответственность за данное деяние, – ст. 205⁴ «Организация террористического сообщества и участие в нем», предусматривающая ответственность за создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст.

205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также за участие в деятельности такого сообщества и ст. 205⁵ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», где криминализована организация деятельности организации, которая в соответствии с законодательством РФ признана террористической, и участие в деятельности такой организации.

Таким образом, даже до появления названного протокола Россия предусмотрела в своём уголовном законодательстве ответственность за соответствующие преступные объединения.

Подготовка террористов понимается как обучение, в том числе получение знаний и практических навыков от другого лица по вопросам изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, ядовитых или вредных веществ или в других конкретных методов или техник, для целей осуществления или содействия совершению террористического преступления.

Преступность прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности, что предполагает ответственность лица, получающего соответствующие знания, умения и навыки, установлена в ст. 205³ УК РФ. При этом российский законодатель специально оговаривает, что состав рассматриваемого преступления образуют прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных ст. 205¹, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Иными словами, и в данном аспекте российский уголовный закон опередил соответствующие нормы международного права.

Что касается оставшихся трёх преступлений – пересечения границы в террористических целях; финансирования поездки за границу с целью терроризма и организации или иного содействия выезжающим за границу с целью терроризма, то

² Собрание законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1059.

³ Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2393.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2018. № 8. Ст. 1091.

⁵ Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10. Приложение; СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Россия подписала протокол 5 июля 2017 г., но не ратифицировала его [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/217> (дата обращения: 01.04.2018).

здесь национальный законодатель отстал от европейского.

Пересечение границы в террористических целях представляет собой пересечение границы государства, которое не является для лица государством его гражданства или места жительства, и осуществляется в целях совершения, содействия или участия в террористическом преступлении или предоставлении или получении террористической подготовки.

Финансирование пересечения границы с целью терроризма означает предоставление или сбор любыми методами, прямо или косвенно, денежных средств для осуществления пересечения границы в террористических целях (как это определено в ст. 4 Протокола) с заведомым осознанием того, что эти средства полностью или частично предназначены именно для финансирования пересечения границы в террористических целях.

Организация или иное содействие выезжающим за границу с целью терроризма – это любые организации или иное содействие любому лицу в пересечении границы в террористических целях (как это определено в ст. 4 Протокола) с заведомым осознанием того, что такие организация

или иное содействие осуществляются именно в террористических целях.

В УК РФ отсутствуют нормы, устанавливающие ответственность за деяния, связанные с миграцией в террористических целях. Однако следует иметь в виду один важный аспект: формально положения Дополнительного протокола не являются обязательными для РФ, поскольку Россия пока ещё не ратифицировала данный документ, однако выразила соответствующее намерение, т.е. подписала его. Таким образом, следует ожидать, что при подготовке к ратификации данного документа УК РФ пополнится рядом новых составов преступлений.

В заключение можно отметить, что на международном уровне предусмотрен обширный арсенал нормативных средств борьбы с различными проявлениями терроризма и преступлениями, носящими «вспомогательный» характер. В то же время ни одно международно-правовое средство борьбы с тем или иным преступлением не будет эффективным, пока на законодательном уровне конкретного государства не будут приняты специальные уголовно-правовые нормы, имплементирующие положения соответствующих международных актов в национальное законодательство.

Е.Б. Лупарев
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
академик Евразийской академии административных наук

Правовое регулирование нестраховой медицины в зарубежных странах*

В статье дан анализ правового регулирования медицинского обслуживания в зарубежных странах, где нет обязательного медицинского страхования всех слоев населения. Рассмотрены смешанные модели правового регулирования, включающие в себя прямое бюджетное финансирование медицинского обслуживания и добровольное медицинское страхование.

The article analyses the legal regulation of medical services in foreign countries where no compulsory health insurance for all segments of the population. Mixed models are considered legal regulation, which include direct public funding of health care and medical insurance.

Ключевые слова: медицинское право, нестраховая медицина, бюджетное финансирование медицины, неконвенциональная медицина.

Keywords: medical law, not insurance medicine, budget financing medicine, alternative medicine.

Современные зарубежные системы правового регулирования медицинской деятельности связаны, прежде всего, с системой финансирования оказания медицинских услуг. Условно все современные

системы финансирования медицины возможно разделить на системы с обязательным медицинским страхованием, системы с прямым бюджетным финансированием и смешанные системы,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 18-011-00135

включающие в себя как страховые, так и нестраховые элементы финансирования медицины. Следует понимать, что речь идет, прежде всего о так называемой конвенциональной медицине, под которой принято понимать медицину, базирующаяся на доказательствах. Данный тип медицины подразумевает наличие официальной точки зрения органов государственного управления здравоохранением различных стран, включая и Российскую Федерацию на методы лечения.

Если же мы говорим о неконвенциональной медицине, то она имеет свою довольно сложную структуру, включающую в себя альтернативную, традиционную, комплементарную (дополняющую) медицину¹. При этом некоторые элементы неконвенциональной медицины имеют свойство перетекать в конвенциональную, или, наоборот признаваться лженаучными, как это происходит на момент подготовки данной работы с гомеопатией в России². В некоторых зарубежных странах, например, в Таиланде, традиционная медицина является частью официальной.

Итак, в пределах данной работы нас интересует те страны, где система финансирования медицинских услуг в её конвенциональной части (за оговоренными выше исключениями) формируется за счет соответствующего государственного бюджета. Необходимо понимать, что даже если государство гарантирует всем своим гражданам и некоторым категориям неграждан оплату медицинских услуг за счет средств бюджета, это не мешает любому лицу приобрести частную медицинскую страховку или напрямую оплатить те или иные частные медицинские услуги в данном государстве.

В этом направлении нас прежде всего интересует опыт стран с высокоразвитой медициной.

Британская система правового регулирования медицины одной из ключевых задач видит сокращение неравенства в отношении медицинских услуг между жителями Англии, что находит свое отражение в Законе Об охране здоровья и социальной помощи (The Health and Social Care Act) 2012 года³. Данный закон был принят после 200 часов парламентских консультаций и 50 дней обсуждения в Британском парламенте.

В соответствии с данным законом система государственного управления здравоохранением в Англии включает в себя национальный и локальный (местный) уровни. На национальном уровне это Министр и Министерство здравоохранения, включая общественное здравоохранение Англии (Ministers and the Department of Health including

Public Health England). Далее, это так называемая NHS (Национальная Служба по социальному здравоохранению) и орган социального ухода за пожилыми людьми (Adult Social Care).

Как закреплено в учредительном акте NHS опубликованном 27 июля 2015 года NHS принадлежит народу⁴. Она обеспечивает комплексное обслуживание, доступны для всех независимо от пола, расы, инвалидности, возраста, сексуальной ориентации, религии или убеждений, гендерного назначений, беременности и родам или статус семейного или гражданского партнерства.

В подчинении указанных органов находятся Национальный институт здравоохранения и ухода за старшими (National Institute for Health and Care Excellence) и Информационный центр здравоохранения и социальной помощи (Health and Social Care Information Centre).

На локальном (местном) уровне система здравоохранения в Англии представлена:

1. Органы местного самоуправления (Local authorities);
2. Клинические группы (Clinical commissioning groups);
3. Подразделения здоровья и благополучия как часть органов местного самоуправления (Health and Well-Being Boards (Part of local authorities));
4. Местные учреждения здравоохранения (Local Healthwatch), включающие в себя общественное здравоохранение (Public health providers), а также операторов Национальной системы здравоохранения (NHS providers, including: •NHS foundation trusts and NHS trusts •Primary care providers •Independent and third sector providers).
5. Поставщики услуг по социальному уходу (Social care providers).

Однако, в некоторых случаях граждане Великобритании все же оплачивают медицинские услуги. Это - ряд стоматологических услуг и офтальмологических (но есть много исключений в отношении тех поданных, которые бесплатно могут получить и эти исключенные из NHS услуги - например, лица с низким доходом). Кроме того, платными являются медицинские справки по допуску к работе и медицинские сертификаты.

Британское общее право хоть и накладывает свой прецедентный отпечаток на регулирование медицинской деятельности, нормативное регулирование развивается в контексте смешения черт континентального и англо-американского права. Из новейших на момент подготовки данной работы актов Великобритании в сфере охраны здоровья выделим следующие:

¹ См.: Василенко А.М., Шарипова М.М., Лузина К.Э. Комплементарная медицина в современном здравоохранении // Вестник Росздравнадзора. 2011. № 2. С. 67–72.

² См.: Меморандум №2 Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований «О лженаучности гомеопатии» // <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/>

³ <https://www.gov.uk/government/publications/health-and-social-care-act-2012-fact-sheets>

⁴ https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/480482/NHS_Constitution_WEB.pdf

1. Закон о лекарственных услугах (регулировании цен и контроле за ценами) № 384 от 20 марта 2018 года (внесен в Британский Парламент Национальной Службой Здравоохранения Англии и Уэльса, Национальной Службой Здравоохранения Шотландии)⁵;

2. Поправки в Закон О национальной службе здравоохранения (NHS) в отношении стоматологических услуг от 9 марта 2018 года № 336⁶;

3. Закон О компенсациях работникам вследствие пневмокониоза от 6 марта 2018 г. № 316⁷;

4. Поправка в Закон о национальной службе здравоохранения в части платы за наркотические средства от 22 февраля 2018 г. № 201⁸;

Вообще, количественный пик законодательного регулирования медицинской деятельности в Великобритании в период «до Brexit» приходится на 2010 – 2014 годы после чего идет на определенный количественный спад.

Как и в Великобритании ирландская система здравоохранения предполагает право на бесплатное оказание большинства медицинских услуг в силу самого факта постоянного, более 1 года проживания в стране⁹. Недостатком выступает то, что пациенты могут относительно долго ожидать очереди на некоторые сложные хирургические операции за счет госбюджета при высокой стоимости частных медицинских услуг.

Аналогичная британской и система организации и финансирования медицины в Норвегии. По сведениям О.Т. Цуциевой и В.Т. Икоева соотношение в финансировании оказания медицинских услуг в Норвегии между государственным бюджетом и частными расходами относительно стабильно с 1980 года и составляет соответственно 85% и 15% в общем объеме расходов на здравоохранение¹⁰.

Как и в Великобритании в Норвегии система государственного управления в сфере здравоохранения охватывает и систему социальной помощи. Во главе системы специализированных органов стоит Министерство здравоохранения и социального обеспечения. Косвенно в эту систему также вовлечено Министерство труда Норвегии. Также в норвежскую систему организации здравоохранения входят региональные органы государственного управления здравоохранением, муниципальные органы, а также подчиненные органам государственного и муниципального

управления больничные трасты и поставщики медицинских услуг. Несколько особняком стоят поставщики стоматологических услуг, но похоже платная стоматология, точнее та её часть, которая носит в значительной степени эстетический характер, даже в странах с бюджетным финансированием медицинских услуг все больше перетекает в платную сферу. Причем стоматологическая медицинская помощь в Норвегии является креатурой фюльке (fylker) - округов в системе административно-территориального деления, аналог областей и краев в России.

Даже частные медицинские услуги в Норвегии финансируются за счет средств государственного бюджета через Норвежскую администрацию экономики здравоохранения (HELFO). HELFO отвечает за прямые выплаты для различных поставщиков медицинских услуг, индивидуальные возмещения за некоторые лекарства, стоматологические услуги и медицинское обслуживание за границей. Кроме того, HELFO занимается регулярной системой здравоохранения), которая дает право иметь постоянного лечащего врача, и выдачей Европейской карточки Медицинского Страхования¹¹. Система HELFO интересна тем, что включает в себя совокупность унифицированных форм претензий и исков в сфере здравоохранения. К таковым, например, относятся: физиотерапевтические претензии, стоматологические, акушерские, хиропрактические. Последние практикуются в Северной Норвегии, где, по всей видимости, данная форма альтернативной медицины особенно развита. Например, врач хиропрактики (а проще – мануальный терапевт), к которому пациент обращается за лечением, подает иск (в норвежской терминологии, не путать с иском в смысле процессуального законодательства) к HELFO, которая принимает решение о производстве выплаты лечащему врачу.

Важно заметить, что уже упоминавшаяся в данной работе комплементарная (дополняющая) медицина не покрывается государственным финансированием, как и часть стоматологических, и офтальмологических услуг.

Единые подходы в системе скандинавского здравоохранения создают аналогичную с Норвегией систему правового регулирования и организации медицины в Королевстве Дания. Большая часть услуг финансируется из государственного бюджета (примерно 84%), а, как водится, стоматологические

⁵ <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2018/384/introduction/made>

⁶ <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2018/336/introduction/made>

⁷ http://www.legislation.gov.uk/uksi/2018/316/pdfs/uksi_20180316_en.pdf

⁸ <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2018/201/introduction/made>

⁹ Спринсян Т. Здравоохранение Ирландии // Медицинская газета «Здоровье Украины»: электронный ресурс <http://www.health-ua.com>

¹⁰ Цуциева О.Т., Икоев В.Т. Норвежская система здравоохранения: система организации и финансирования // Фундаментальные исследования. 2015. № 9. С. 604.

¹¹ <https://helfo.no> (дата обращения 20.03.2018).

услуги и некоторые фармакологические препараты оплачивают собственно пациенты. Приобретение очков, контактных линз и фармацевтических препаратов безрецептурного отпуска, а также услуги косметической хирургии пациенты полностью оплачивают из собственных средств¹². Одним из важнейших институтов датского медицинского права является институт реимбурсации, то есть право пациента на частичное или полное возмещение затрат на приобретенные им фармакологические препараты. Под действие норм о реимбурсации попадают только рецептурные препараты. На постсоветском пространстве реимбурсация активно начала применяться на Украине в отношении лекарств от гипертонии и диабета.

В системе действующего датского законодательства об охране здоровья согласно официальным данным портала правовой информации Королевства Дания наиболее ранним следует считать Закон о специализированных учреждениях для больных СПИД (Blødererstatningsfonden) от 4 июня 1995 года.

Также следует выделить:

1. Закон о пособии по болезни от 19.01.2018 № 38
2. Закон Об ионизирующей радиации и радиационной защите (strålebeskyttelsesloven) от 15 января 2018¹³

¹² Жукова О. Медицина старейшего королевства. Каков уровень здравоохранения в Дании // Лекарственное обозрение. 2015. № 10

¹³ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=197054>

¹⁴ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=196748>

¹⁵ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=192623>

¹⁶ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=192522>

3. Закон о разрешении медицинской конопли от 26 декабря 2017 года № 1668¹⁴

4. О праве жалобы и компенсации за медицинское обслуживание от 28 августа 2017 № 1022¹⁵

5. Закон о допуске специалистов в области здравоохранения и о профессиональном медицинском бизнесе от 18 августа 2017 № 990¹⁶

6. Закон о принудительном лечении наркоманов от 8 августа 2017 № 972¹⁷

7. Закон о принудительном лечении умственно отсталых несовершеннолетних от 8 июня 2017 № 655¹⁸

8. Закон о наркотических веществах от 13 июня 2016 № 715¹⁹

9. Закон о клиническом исследовании лекарственных препаратов от 8 июня 2016 № 620²⁰

10. Закон об электронных сигаретах от 18 мая 2016 № 426²¹

11. Закон о медицинских изделиях от 26 мая 2014 года;

Таким образом можно констатировать, что в Королевстве Дания на законодательном уровне отсутствует единый кодифицированный акт об охране здоровья, что, впрочем, характерно для всех стран скандинавской правовой семьи. Кроме того, мы не склонны напрямую связывать наличие или отсутствие кодифицированного медицинского законодательства с системой финансирования медицинских услуг.

¹⁷ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=187171>

¹⁸ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=191818>

¹⁹ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=181735>

²⁰ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=180117>

²¹ <https://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=180119>

О некоторых проблемах института недостойных наследников в свете реформы гражданского законодательства

В статье анализируются положения Гражданского кодекса РФ, закрепляющие критерии отстранения от наследования в связи с недостойностью наследников. Автором обращено внимание на трудности толкования и применения ст. 1117 ГК РФ в действующей редакции и предложены некоторые направления совершенствования института недостойных наследников.

The article analyzes the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, fixing the criteria for exclusion from inheritance due to the unworthiness of heirs. The author drew attention to the difficulties of interpretation and application of Art. 1117 Civil Code in the current version and proposed some directions for improving the institution of unworthy heirs.

Ключевые слова: наследственное право, призвание к наследованию, недостойные наследники.

Keywords: hereditary right, vocation for inheritance, not-worthy heirs.

Одним из первостепенных вопросов, требующих разрешения в связи с открытием наследства, является определение тех лиц, которые могут быть призваны к наследованию. Правильное установление круга наследников является залогом справедливого распределения имущества умершего, а, кроме того, необходимым условием защиты интересов участников наследственных правоотношений. Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) предусматривает специальные правовые средства, направленные на решение вышеназванных задач. К числу таковых относится и институт недостойных наследников.

С момента своего легального закрепления в Гражданском кодексе 1964 г.¹ и по настоящее время данный институт является предметом научного обсуждения. Даже несмотря на то, что в части третьей Гражданского кодекса РФ² он получил более детальную регламентацию, применение некоторых положений ст. 1117 продолжает вызывать трудности. В отсутствие прозрачных законодательных предписаний повысилось значение разъяснений, данных высшими судебными инстанциями, но и их наличие не решает всех проблем, связанных с отстранением наследников от наследования по критерию недостойности.

Именно поэтому вызывает удивление то обстоятельство, что в современный период реформирования наследственного законодательства проблема отстранения от наследования не получила должного переосмысления.

Следует отметить, что более столетия назад, в период работы над Гражданским уложением было проведено кропотливое исследование института недостойных наследников. В частности, согласно ст.

1347 Проекта гражданского уложения 1905 г.³ (далее – Проект) от наследования устранились умышленно лишившие наследодателя жизни или причинившие ему такое повреждение здоровья, вследствие которого он до самой своей кончины не имел возможности совершить или отменить завещание. Анализ п. 1 ст. 1347 Проекта позволяет заключить, что круг деяний, за совершение которых лицо отстранялось от наследования, ограничивался такими преступными деяниями, в результате совершения которых наследодатель лишился возможности совершить или отменить завещание (убийство, душевная болезнь, потеря языка, слуха, руки и т. п.).

Помимо приведенных выше оснований, Проект предполагал, что «устраиваются от наследования наследники, побудившие наследодателя, посредством принуждения или обмана, к совершению либо отмене завещания, воспрепятствовавшие наследодателю, посредством принуждения или обмана, совершить или отменить завещание, или скрывшие либо уничтожившие завещание наследодателя, составленное в пользу других лиц, а равно подделавшие или переделавшие завещание»⁴.

Предполагалось, что устранение от наследования возможно только в судебном порядке. С иском заявлением могли обратиться заинтересованные лица, т. е. те лица, которые бы призывались к наследованию в случае отсутствия недостойного наследника. Современное законодательство не содержит подобной нормы, соответствующие разъяснения были получены только в результате рекомендаций высших судебных инстанций. Вместе с тем, считаем данное положение значимым и подлежащим включению в Гражданский кодекс РФ.

Право на обращение с иском об устранении от наследования действовало в течение одного года с

¹ Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

³ См.: Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению гражданского уложения / Под ред. И. М. Тютрюмова. Т. 1. СПб., 1910. С. 467.

⁴ См.: Там же. С. 467.

момента получения истцом сведений об обстоятельствах, дающих ему право требовать устранения упомянутых в статье 1347 лиц от наследования, но во всяком случае не позже десяти лет со дня открытия наследства и притом лишь при жизни устраняемого наследника. Причиной введения специального сокращенного срока исковой давности являлось намерение ослабить вражду между членами семьи наследодателя путем ограничения времени на предъявления иска, «а также практическими соображениями нецелесообразности возбуждения подобного рода вопросов по истечении многих лет, когда память о содеянном поступке уже улеглась»⁵.

Проект закреплял положение, в силу которого решение суда об устранении недостойного наследника от наследования могло быть принято и после смерти такого недостойного наследника. Норма, закрепляющая возможность предъявления иска об установлении факта недостойности, характеризовалась членами редакционной комиссии как не соответствующая канонам справедливости, поскольку возлагала ответственности за проступки недостойных наследников и на их преемников⁶. Удивительно, что современный законодатель, анализируя нормы части третьей Гражданского кодекса РФ, не обращают внимание на п. 2 ст. 1146, в силу которого не наследуют по праву представления потомки наследника по закону, лишенного наследодателем. Представляется целесообразным исключить данную норму из Гражданского кодекса РФ как не соответствующую нравственным принципам гражданского права. Кроме того, полагаем, что отстранение от наследования лиц, которые призываются к наследованию по праву представления (внуки наследодателя, племянники и племянницы наследодателя, двоюродные братья и сестры наследодателя) может не соответствовать волеизъявлению наследодателя.

Таким образом, Проект содержал достаточно развернутые и прогрессивные, тщательно обсужденные научным сообществом правила об отстранении по недостойности, некоторые из которых, например, условие о сокращенном сроке подачи заявления об отстранении в судебные инстанции, или о нераспространении правил об отстранении на потомков наследодателя, можно было позаимствовать в целях совершенствования современного законодательства о наследовании.

В настоящее время наибольшие трудности связаны с определением обстоятельств, на основании которых лицо утрачивает право наследования. Анализ п. 1 ст. 1117 ГК РФ позволяет

заклЮчить, что правила об отстранении от наследования распространяются исключительно на лиц, признанных виновными в «умышленных противоправных действиях».

Совершение перечисленных в п. 1 ст. 1117 ГК РФ действий по неосторожности не влечет лишения права наследования. Наличие умысла возводится законодателем в число конститутивных признаков института недостойных наследников. Именно поэтому абз. 1 п. 1 ст. 1117 ГК РФ не распространяет свое действие на малолетних (п. 3 ст. 28 ГК РФ), недееспособных (ст. 29 ГК РФ) и невменяемых лиц (ст. 21 Уголовного кодекса РФ, далее – УК РФ⁷), т. к. их вина исключается возрастом либо состоянием психического здоровья.

Практика применения ст. 1117 ГК РФ основывается на разъяснениях, данных высшими судебными инстанциями⁸. Позиция, отраженная в указанном постановлении, с одной стороны, логично отражает сущность института недостойных наследников, поскольку согласно положениям п. 19 мотив и цели совершения противоправных действий наследника не принимаются во внимание при квалификации его действий для признания недостойным. Одного факта совершения умышленных противоправных действий достаточно для того, что поставить под сомнение моральную возможность наследника быть преемником умершего.

С другой стороны, правоприменитель, давая толкования категории противоправных действий, направленных против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, вследствие совершения которых граждане утрачивают право наследования по указанному основанию, не объясняет, какие действия, направленные против наследодателя, кого-либо из его наследников, являются основанием для отстранения от наследования. Из правил ст. 1117 ГК РФ очевидно только, что такие действия должны быть противоправны и носить умышленный характер. По мнению ряда авторов, это приводит к тому, что «под «противоправными действиями» стали понимать, прежде всего, преступления, посягающие на здоровье и жизнь завещателя или кого-либо из наследников и наказуемые в уголовном порядке»⁹.

Данный довод находит подтверждение и в судебной практике. Показательным примером является Постановление Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 17.02.2016 г. № 44Г-

⁵ Шилов О. Ю. Проблемы правового регулирования наследования по закону в современном гражданском праве: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 117.

⁶ См.: Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению гражданского уложения / Под ред. И. М. Тютрюмова. Т. 2. СПб., 1910. С. 5–6.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 // Российская газета. 2012. № 7.

⁹ Огнев В. Н. Институт недостойных наследников в российском гражданском праве: прошлое и настоящее // История государства и права. 2007. № 5. С. 29.

19/2016, вынесенное по итогам рассмотрения кассационной жалобы, в котором З. просит отменить апелляционное определение по делу по искам М., А. к З. о признании недостойным наследником и отстранении от наследства. Из материалов дела видно, что З. была признана недостойной наследницей, поскольку приговором суда осуждена за кражу денежных средств у наследодателя К. Однако кассационная инстанция отменила решения первой и апелляционной инстанции, указав следующее: «наследник бесспорно исключается нотариусом из состава наследников при предоставлении приговора о совершении умышленного противоправного деяния против наследодателя, его наследников, что по смыслу диспозиции названной нормы означает совершение преступления против личности, в котором объектом посягательства является жизнь и здоровье, а не имущество, или против последней воли наследодателя, выраженной в завещании. Совершение противоправных действий, посягающих на имущество наследодателя, не относится к обстоятельствам, позволяющим считать наследника недостойным»¹⁰. Формально ст. 1117 ГК

РФ не ограничивает круг противоправных действий преступлениями против личности, в котором объектом посягательства является жизнь и здоровье, поэтому, на наш взгляд, отмеченный судебный акт нельзя назвать принятым в соответствии со строгим смыслом закона.

Вместе с тем, ограничение противоправных действий исключительно преступлениями против жизни и здоровья наследодателя и его наследников не будет способствовать объективной оценке поведения наследника в соответствии с критерием «достоинства».

Нормы об отстранении от наследования необходимо обсуждать в целях выработки наиболее эффективного механизма, позволяющего, с одной стороны, защитить права умершего с учетом требований справедливости, а с другой – не допустить искажения его воли и защитить права наследников. Начать следует с конкретизации действий, совершение которых будет служить основанием для отстранения, и исключения правила об отстранении от наследования потомков недостойного наследника.

Н.В. Паршина
*кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Становление военного духовенства Кубанского казачьего войска: историко-правовой аспект

В статье характеризуются историко-правовые предпосылки и особенности становления и развития института военного духовенства в отдельных казачьих войсках, из числа которых в 1860 г. было образовано Кубанское казачье войско.

The article describes the historical and legal background and features of the formation and development of the Institute of military clergy in some Cossack troops, of which in 1860 was formed Kuban Cossack army.

Ключевые слова: Кавказское линейное казачье войско, Донское казачье войско, Черноморское казачье войско, Запорожское казачье войско, Кубанское казачье войско, военное духовенство, обычай, закон, религия.

Keywords: Caucasian linear Cossack army, Don Cossack army, Black Sea Cossack army, Zaporozhye Cossack army, Kuban Cossack army, military clergy, custom, law, religion.

Взаимодействие государства и личности выступает показателем состояния общества в целом, тенденций и перспектив его развития. Конечно, характер такого взаимодействия может рассматриваться в различных аспектах (политическом, экономическом, социальном и т.д.). Для казачества важнейшим из таких аспектов выступает религиозный.

Известно, что еще «на Руси в княжеский период и позднее основным средоточием представлений и навыков уважительного отношения к человеческому достоинству и связанным с ним правам были священные тексты и церковная обрядность...»¹. В период Российской империи «государство рассматривало Православную церковь, с одной

¹⁰ Постановление Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 17.02.2016 г. № 44Г-19/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 1.11.2016).

¹ Графский В.Г. Взаимосвязь развивающейся человеческой личности и социального государства в

стороны, как учреждение, выполняющее определенные административно-хозяйственные функции, а с другой - видело в церкви духовного пастыря общества, инструмент влияния на все сословия»². На всех этапах формирования кубанского казачества православные обычаи играли не только важнейшую роль в регулировании общественных отношений внутри данной общности, но и выступали мировоззренческим базисом в процессе формирования моральных, духовно-нравственных ориентиров у каждого отдельного казака, как личности. Проследим характер взаимодействия государства и казачества через призму правового оформления их взаимоотношений с православной церковью. Как известно, Кубанское казачье войско было образовано в 1860 г. путем объединения Черноморского и Кавказского линейного казачьего войска³.

При этом, становление военного духовенства Кубанского войска берет своё начало от запорожского казачества, которое в 1654 г. во главе с Гетманом Б. Хмельницким поступило в подданство России, не желая признавать власть Речи Посполитой, стремившейся «отлучать и неволить к своей Римской вере»⁴ православных казаков.

После переселения запорожцев в 1792 г.⁵ на Кубань и формирования из их числа Черноморского казачьего войска, статус войсковых священников был законодательно закреплён в Указе Екатерины II. Государство поощряло приобщение к христианской вере иноверцев полковыми священниками⁶, но по закону, в отличие от традиционных казачьих обычаев, зачисление в черноморское казачество уже не предполагало обязательное исповедование православия или иной религии⁷. Таким путем

правовом измерении // «Труды Института государства и права Российской академии наук». 2016. № 2. С.117.

² Карнишина Н.Г. государственно-церковные отношения в России во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С.16.

³ Именной Указ, объявленный Сенату Военным Министром «О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска» от 19 ноября 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. II. Т. XXXV. Ч II. № 36327.

⁴ Объявление Гетману Богдану Хмельницкому, учиненное ближним боярином Василием Бутурлиным от 8 января 1654 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. I. Т. I. № 115.

⁵ Жалованная грамота войску Черноморскому от 30 июня 1792 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. I. Т. XXIII. № 17055.

⁶ Именной указ, объявленный из Синода военной коллегии «Об обращении полковым священникам в православную веру обретающихся в полках калмык, татар, мордву, чуваш, черемис и других иноверцев» от 6 апреля 1742 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. I. Т. XI. № 8540.

государство вносило свои коррективы в устоявшиеся казачьи традиции, стремясь включить духовную жизнь данного сословия в сферу регулирования российского законодательства.

Церковные реформы Петра I в первой половине XVIII в., направленные на полное подчинение церковной власти – светской (упразднение патриаршества и образование Святейшего Синода), напрямую затронули и войско донское, которое стало заселять территорию Кубани с 1794 г. и, затем, вошло в состав Кавказского линейного казачьего войска. В 1718 г. донское духовенство было подчинено Воронежской епархии. Однако на практике донские казаки игнорировали данный указ: всеми церковными делами на Дону продолжал вестись Войсковой Круг, который «никаких епископов, как начальствующих лиц, не признавал»⁸.

Согласно, внутривойсковым обычаям донских казаков, клирики (духовенство, получившее «жребий» служения Богу⁹) в донских церквях подразделялись на три иерархии: клириков, которые исполняли свои обязанности по станичному приговору; клирики, которые утверждались на должность войсковым начальством, выдававших им в честь этого особые грамоты; и клирики, желающие получить «посвящение в стихарь» («чин на поставление чтеца и певца»¹⁰ молитв в церкви), которые утверждались на должность епархиальным начальством¹¹. В то же время епархиальный архиерей не мог замещать вакантные должности священнослужителей в войске по своему усмотрению. Следует так же отметить, что значительную часть казаков Кавказского линейного войска составляли старообрядцы, которые «...на 130 тысяч человек населения составляли 20 500 душ»¹².

⁷ Высочайше утвержденный Доклад Сената «О причислении в войско Черноморских казаков бродяг из Польских, Малороссийских и бывшего Запорожья людей и о наблюдении за сим Войсковому Атаману» от 21 августа 1799 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. I. Т. XXV. № 19091.

⁸ Савельев Е. П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в трех частях. Часть III.: Дон служит русским царям. Новочеркасск. 1915. С. 416.

⁹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Изд-во П. П. Сойкина, 1913. Т. 2. С. 1371.

¹⁰ Дмитриевский А. Ставленник. Киев. 1904. С. 3.

¹¹ См.: Снесарев Н.П. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона [Текст] / преподавателя Донской духовной семинарии Николая Снесарева. Новочеркасск. Вып. 1. 1877. С. 20.

¹² Кулиев Фарман Муруват оглы. Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ. 2013. С. 338.

В 1829 г. Донское и Черноморское казачье войско вошло в состав Новочеркасской епархии¹³. В 1835 г. было принято Положение о войске Донском, которое содержало специальный раздел, посвященный духовному сословию (по образцу войска Донского регулировался и правовой статус духовенства Черноморского казачества)¹⁴. В отличие от общероссийского законодательства, по вышеуказанному Положению, духовенство делилось по происхождению на казачье и иногороднее, что обеспечивало казакам ряд привилегий (например, лишенный духовного сана священник казачьего происхождения поступал в распоряжение войсковых властей и нес службу в войске на общих основаниях, а иногородний – наказывался по Уставу о

предупреждении и пресечении преступлений, то есть записывался в солдаты или податное сословие)¹⁵.

Духовенство, образованного в 1860 г. Кубанского казачьего войска, уже подчинялось самостоятельной Кавказской епархии¹⁶, учрежденной в Черномории еще в 1842 г.

Таким образом, оформив правовой статус казачества, государство постепенно стало регулировать и духовную жизнь данного сословия. При этом на казачьих территориях проводилась особая церковная политика, которая опиралась и учитывала исторические традиции взаимоотношений казачества с православной церковью и российским государством.

И.М. Хиль

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

Общее и особенное категорий: легитимность, законность и правопорядок

В статье рассматриваются многообразие точек зрения относительно сущности и содержания категорий «легитимность», «законность» и «правопорядок». Проводится анализ своеобразия и особенностей указанных категорий.

The article deals with the diversity of views on the nature and content of the categories of "legitimacy", "legality" and "law and order". The analysis of originality and features of the specified categories is carried out

Ключевые слова: легитимность, законность и правопорядок.

Keywords: legitimacy, legality and law and order.

На сегодняшний день теория права изобилует всеми гранями принципа плюрализма научного познания. Каждый из типов правопонимания имеет свою концепцию подходов к понятию права. Это многообразие взглядов, а иногда и двойственность, тождественность, дублирование не обошли и категории законности и легальности в теории права.

Категория «легальность» как термин практически всегда звучит в словосочетании. Говоря о легальности поступка, легальности нормы, легальности власти мы имеем в виду ее законность, а правильно ли это?!

Анализируя научную литературу по подобной тематике можно понять, что понятие легальности рассматривается в нескольких аспектах: во-первых, через нормативистский подход, который получил очень мощное развитие в трудах немецких ученых, занимающихся административным правом.

В частности, Отто Майер предлагает такое видение легальности: «...типичного способа функционирования общественной администрации и ее бюрократического аппарата, отличающегося подчиненностью административной деятельности

¹³ Высочайше утвержденный доклад Синода «Об учреждении Новочеркасской епархии» от 5 апреля 1829 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. II. Т. IV. № 2799.

¹⁴ Высочайше утвержденное Положение «Об управлении Донского войска» от 26 мая 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. III. Т. X. № 8163.

¹⁵ См.: Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. Москва. 1999. С. 165.

¹⁶ Именной указ, объявленный в ведении Святейшего Синода «Об утверждении в области Кавказской и Черномории епархии третьего класса» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Собр. II. Т. XVII. № 15861.

только закону в качестве высшей юридической нормы»¹. Здесь внимание уделяется формализованной юридической составляющей легальности, которая выражается в четком и неукоснительном соответствии политико-правовых процедур положениям основного закона. Однако у данной концепции была проблема в том, что она ставила саму процедуру выше социальной, превращая закон лишь в инструмент власти.

Данная теория неполно отражает сущность закона и это подтверждается тем, что даже самый несправедливый и противоречащий основам человеческого общежития закон может быть принят вполне легально, если пройдет полностью, установленные процедуры, но все же, отрицать нормативность как значимую часть легальности и вообще законности, как таковой, категорически нельзя. Вторым подходом к сущности понятия легальность является функциональный подход. В нем легальность рассматривается, как способность гарантировать предсказуемость результатов общественных отношений и укрепление веры в то, что власть столь же законна, сколько и рациональна.

Согласно же представлениям исследователя К. Шмитта, вопрос о легальности государственной власти является излишним, так как нейтрализует саму идею легитимности, уничтожает идеи «дух» закона, священность, справедливость и иное внутреннее содержание власти, права и закона. К. Шмитт, считал, что «...в политико-правовых дискуссиях его времени на первый план неправомерно ставится вопрос о праве как о «норме, равнодушной по отношению к фактам», в то время как речь должна идти о государстве как реальности, которую с точки зрения права следует понимать как философско - правовую реальность».² Что приводит нас к выводу о том, что подобный подход к понятию легальности просто сводит на нет значение легитимности и справедливости.

Не может не вызывать интерес и определенную реакцию формулировка понятия «правозаконность», появившаяся в научной литературе. С.С. Алексеев, В.С. Нерсисянц, В.А. Четвернин прибавили термин «право» к понятию «законность». Но как справедливо отмечает А.Ф. Ефремов, - термин «правозаконность» ничего нового ни в содержание права, ни в содержание законности не вносит. «Если этот термин переводить на формальный язык, то он будет означать законность, основанную на праве. Но законность без права быть не может, законность существует постольку, поскольку существует само право и как социальное, и как чисто юридическое явление»³. В конечном итоге вместо термина «правозаконность» необходимо употреблять

понятие «легитимная законность», как более точное и юридически корректное.

Анализируя соотношение, тождественность и различие легальности и законности как категорий определенного порядка осуществления власти, мы приходим к выводу, что во многом категория законности может считаться более фундаментальной, нежели легальность.

Законность и легальность возможно категории в большей степени совпадающие, но однозначно мы можем утверждать, что взаимодействие у них прямо пропорциональное. Если норма не корректна, не эффективна, то и реализация ее бесперспективна, а, следовательно, это может привести к созданию почвы для нарушений действующего законодательства.

Вместе с тем следует помнить, что очевиден факт, когда при достаточно высоком уровне легальности законность может не достигать приемлемого уровня. В основном, подобные случаи случаются при проведении радикальных реформ, а также в государствах переходного типа, где не успевают складываться новые отношения на основании законности, так как велико влияние предыдущего этапа развития правовой системы государства, а также социально-экономического уклада.

В целом же под законностью как основной категорией права большинством российских ученых-теоретиков понимается всеобщий принцип поведения и подчинения граждан, общества и государства единым нормам.

Можно сказать, законность представляет собой принципы и правила, на основании которых строятся общественные отношения, а также правоотношения и правопорядок. Также немаловажен поиск баланса между подчинением и взаимозависимостью при взаимодействии общества и государства, общества и отдельных граждан. Лишь при высоком уровне, как легальности, так и законности, которые были созданы путем взаимовыгодного взаимодействия общества и государства, возможно приблизиться к правовому государству.

В подобном ключе можно рассмотреть взаимосвязь категорий законность и правопорядок. Долгое время различие между ними не проводилось, и они употреблялись как равнозначные понятия. Сходство и различие во взаимодействии важно проследить, ибо это имеет огромное практическое значение, как для укрепления законности, так и упрочения правопорядка.

Свойства этих категорий переходят из одного в другое качество анализируемых явлений. Так, например, упорядоченность, с одной стороны, есть результат осуществления права и законности, а с

¹ Даниленко В.И. (под ред.) Современный политологический словарь. М. 2000. С. 236–237.

² Гаранов Е.Н. Государственно-правовая теория К. Шмитта: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 14.

³ Ефремов А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации. Тольятти, 2002. С. 9.

другой – их важнейшее свойство. Долгое время в содержание законности и правопорядка

вкладывалось выполнение законов и поэтому различие между ними не проводилось.

Законность обеспечивает общеобязательность права, а правопорядок – результат такого обеспечения, а содержание правопорядка составляет упорядоченность общественных отношений, выражаемое в правомерном поведении их участников. Следовательно, когда участники регулируемых правовых отношений соотносят свое поведение с субъективными правами и юридическими обязанностями, тогда и складывается правопорядок.

Отсутствие теоретической ясности в отношении законности и правопорядка, которое наблюдается в настоящий момент, способно негативно влиять на практику правоприменения и реализации права.

Существует насущная необходимость в научном осмыслении этих понятий, в том числе, применительно к институту юридической ответственности, построении их правовой дефиниции.

Проблемой является то, что на современном этапе развития отечественной правовой науки понятие законности, как и понятие правопорядка и самой юридической ответственности, характеризуют противоречивые тенденции. Сложность ее понимания определяется тем, что она представляет собой императивно-оценочное явление правовой жизни и соответствующее ему понятие. Законность предписывает необходимость правомерного поведения и одновременно оценивает данное поведение через призму законного и незаконного, юридически правильного и неправильного.¹

Помимо этого, отдельные ученые рассматривают данные категории как тождественные идеальные правовые модели. Такое сравнение не выдерживает критики, так как не учитывает правонарушение и борьбу с ними. Причем объективную реальность отражает именно правопорядок, а не законность, так как она является набором установленных принципов и правил существования общественных отношений через право.

По нашему мнению, правопорядок является одной из основообразующих категорий в

российской правовой системе. Общей правовой позиции по вопросу природы данного понятия не имеется, однако, по нашему мнению, наиболее верной является позиция вывода правопорядка из специально-юридических рамок. Правопорядок влияет не только на отношения, урегулированные правом, но и весь комплекс общественных отношений в гражданском обществе.

В связи с этим остро встает вопрос формирования категории «гражданский правопорядок», который бы затрагивал отношения гражданского быта, однако данная тема практически не изучена, а большинство работ по данной тематике где сугубо цивилистическому понятию «гражданский правопорядок» придан чуждый ему смысл, например, данные отношения, представлены как неофициальный частный правопорядок.

Следует отметить, что многоаспектное (интегральное) понимание законности является достаточно распространенным в научной литературе, поскольку, в соответствии с ним, всеобщий принцип законности пронизывает правовую ткань общественных отношений во всем их многообразии, подразумевая, что реализация режима законности в обществе обеспечивается силами всех без исключения субъектов права, путем, как пассивного исполнения требований законодательства, так и активного участия граждан в управлении делами общества и государства.

В целом же под законностью как основной категорией права большинством российских ученых-теоретиков понимается всеобщий принцип поведения и подчинения граждан, общества и государства единым нормам.

Можно сказать, законность представляет собой принципы и правила, на основании которых строятся общественные отношения, а также правоотношения и правопорядок. Также немаловажен поиск баланса между подчинением и взаимозависимостью при взаимодействии общества и государства, общества и отдельных граждан. Лишь при высоком уровне как легальности, так и законности, которые были созданы путем взаимовыгодного взаимодействия общества и государства, возможно приблизиться к правовому государству.

¹ Вопленко Н.Н. Законность и правовой порядок. Волгоград. 2006. С. 95.

История одного преступления и ее уроки, позволяющие уточнить содержание гражданско-правового принципа неприкосновенности собственности*

Автор на примере фавулы конкретного уголовного дела, рассмотренного одним из судов Краснодарского края, размышляет о необходимой свободе и независимости собственника, которая должна быть обеспечена действующим гражданско-правовым регулированием отношений принадлежности материальных благ. В статье доказывается, что важным элементом в понимании принципа неприкосновенности собственности является запрет на вмешательство государства в осуществление правомочий собственника, в том числе посредством принятых за пределами компетенции и некачественных с точки зрения законодательной техники региональных законодательных актов.

The author, on the example of the story of a particular criminal case, considered by one of the courts of the Krasnodar Region, reflects on the necessary freedom and independence of the owner, which should be provided by the current civil law regulation of the relations of material goods. The article proves that an important element in understanding the principle of inviolability of property is the prohibition of state intervention in the exercise of the owner's powers, including through regional legislative acts adopted outside the competence and inadequate in terms of legislative technique.

Ключевые слова: законность, гражданское право, преступление, охрана окружающей среды, предметы ведения Российской Федерации и образующих ее субъектов, принципы гражданского права, неприкосновенность собственности.

Keywords: legality, civil law, crime, environmental protection, subjects of the Russian Federation and its constituent entities, principles of civil law, inviolability of property.

Весной 2017 года приговором (134/17) Лазаревского районного суда города Сочи гражданин К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 1 год и 6 месяцев. Суд установил, что подсудимый действительно совершил незаконную рубку деревьев, не отнесенных к лесным насаждениям, и, руководствуясь ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» и ч. 1 ст. 1 Закона Краснодарского края № 2695-КЗ от 23.04.2013 г. «Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае», признал его виновным в совершении соответствующего экологического преступления. Казалось бы, обычный приговор из сотен и тысяч, да еще и оставленный без изменения апелляционным постановлением от 7 июня 2017 г. Краснодарским краевым судом. Что может быть в его содержании такого, что заинтересовало представителей науки гражданского права? А связь с гражданским правом в данном случае оказалась очевидна, поскольку гражданин нарушил ограничение права собственности, установленные законом субъекта Российской Федерации. И за действия по осуществлению прав собственника на основании экологического законодательства РФ и законодательства Краснодарского края был признан преступником. Чтобы разобраться во всех обстоятельствах этого необычного уголовного дела, раскроем его фавулу.

Итак, жил гражданин К. спокойно и семейно в городе Рязани, воспитывал двоих детей. Но в 2013 году он совершил, как оказалось впоследствии, очень значимый для всей последующей жизни юридический акт, а именно: гражданско-правовую сделку по покупке земельного участка в п. Лазаревское г. Сочи Краснодарского края. Право собственности на землю ему перешло в порядке правопреемства от пожилой женщины. До своей смерти она была вынуждена с помощью соседей подпирать стены своего дома, что вполне понятно, ведь денег у пенсионерки на новое строительство не было. Вместо установки забора она сажала деревья. Так, на участке с кадастровым номером 23:49:0109003:73 зазеленились эриоботрия и три глицинии. Эриоботрия, в быту прозванная мушмулой, представляет собой листовенное вечнозеленое растение. Глициния же считается листовенным листопадным растением. Администрация города Сочи постановлением № 1039 от 05.06.2014 г. внесла, как оказалось, виды растений, посаженных старушкой, в отдельный перечень древесных пород, требующих особой охраны.

Напомню читателю, что гражданин К. купил свой участок для индивидуального жилищного строительства, вот почему в 2016 году он все же решил начать стройку, а стройка, как известно, всегда начинается с постановки забора. И вот этому самому главному для субъекта права частной собственности на земельный участок, предоставленный для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00621.

индивидуального жилищного строительства, делу помешали четыре растения, произрастающие по линии его границ. Забор возводить оказалось очень сложно без их вырубки. И вот тут-то процесс строительства был поставлен под пристальный контроль «растениелюбивых» соседей. Они, конечно, помнили, как старушка на подпорках все их высаживала. Вот и решили соседи, что гражданин К. пусть сам не вечно (ведь смертен же), но всю отведенную ему судьбой жизнь, обязан провести рядом с тем, что перешло ему в виде зеленых насаждений от правопреемницы. Соседи рьяно взялись за охрану глицинии и эриоботрии. Сначала самого гражданина К. предупредили, - не руби, - а то «козленочком», ну, в смысле «козлом отпущения» станешь. А впоследствии и в полицию заявление написали, а также в суде в качестве свидетелей выступили.

Процесс строительства забора собственником в приговоре суда был описан подробнейшим образом. Оказывается, сначала у него сформировался умысел, «направленный на осуществление незаконной рубки, а равно повреждения до степени прекращения роста зеленых насаждений, произрастающих на его участке». А 5 апреля 2016 года в период времени с 12.00 до 16.00 «неустановленное лицо, находясь на территории земельного участка, принадлежащего К., и по договоренности с ним, произвело механическое воздействие неустановленным предметом на зеленое насаждение». В общем, срубили глицинию и мушмулу под самый корешок. По оставшимся пням на основании заявления соседей компетентный орган (Управление по охране окружающей среды и лесопарковому хозяйству администрации города Сочи) рассчитало и ущерб от произведенной рубки. Он составил по строгим расчетам 125 180 рублей. По нормам уголовного законодательства такая сумма свидетельствовала о том, что незаконная рубка была совершена в крупном размере.

Суд удалился в совещательную комнату, возвратился и объявил приговор, последствия которого стали неожиданными, но очевидными для гражданина К. И не столь важно, что наказание было назначено условно с испытательным сроком в 1 год. Гражданин К. уже не мог в соответствии с вынесенным приговором без соответствующего уведомления менять место жительства. Он был обязан ежемесячно являться на регистрацию в уголовно-исправительную инспекцию. И это понятно, раз преступник, ты должен испытывать на себе воздействие примененной судом «кары». Но преступником был объявлен человек, срубивший дерево на участке, принадлежащем ему на праве частной собственности и предоставленном под индивидуальное жилищное строительство. И возникает очень важный правовой вопрос: а было ли совершено, в самом деле, преступление? Можно ли считать строительные работы на земельном участке, предоставленном для ИЖС, в том числе сопровождающиеся рубкой деревьев, противоправным деянием, подлежащим уголовному наказанию? А,

самое главное: мог ли орган законодательной власти субъекта Российской Федерации ограничить собственника в его важнейших собственнических правах? Попробуем разобраться последовательно во всех возникающих из описанного дела вопросах, находящихся, можно сказать, на стыке законодательства гражданского, уголовного и даже конституционного.

Итак, гражданин К. был признан виновным в совершении экологического преступления. Таким образом, сфера отношений, субъектом нарушения которых он был признан, является охрана окружающей среды. Не случайно и закон в приговоре назван базовый для развития этих отношений - ФЗ «Об охране окружающей среды». Задачей для законодательства об охране окружающей среды является охрана воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов. В данной области должна быть обеспечена экологическая безопасность. Если причиняется вред окружающей среде, то он должен быть обязательно возмещен. На граждан законодательство в сфере экологии возлагает обязанность сохранять природу, обеспечивать безопасную окружающую среду, а для этого всякий и каждый должен бережно относиться к природным богатствам и соблюдать императивные нормы действующего законодательства. Конечной же целью как деятельности в сфере охраны окружающей среды, так и экологического законодательства является соблюдение такого фундаментального права человека, как право на благоприятную окружающую среду. Согласно Конституции РФ, законодательство в сфере охраны окружающей среды находится в совместном ведении РФ и ее субъектов (ст. 72). Не случайно и в Краснодарском крае 23 апреля 2013 г. был принят Закон № 2695-КЗ «Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае», действующий в редакции от 04.04.2016 г.¹ Закон Краснодарского края обязал собственников, арендаторов земельных участков, землепользователей и землевладельцев надлежащим образом содержать и защищать находящиеся на земельных участках зеленые насаждения. Ст. 3 цитируемого закона Краснодарского края запрещает повреждение и уничтожение зеленых насаждений. При планировании хозяйственной или иной деятельности на территории Краснодарского края хозяйствующие субъекты должны в обязательном порядке предусматривать мероприятия по сохранению зеленых насаждений. А если возникает вопрос вырубке или уничтожения зеленых насаждений, то в обязательном порядке соответствующий субъект хозяйственной деятельности обязан получить порубочный билет и внести плату за проведение компенсационного озеленения. Кстати, это очень разумное и необходимое требование. Кроме того, в ч. 2 ст. 1 Закона «Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае» были установлены очень важные изъятия (исключения) из общеустановленного правила. Так, из сферы природоохранных отношений были исключены

¹ <http://www.kubzsk.ru/kodeksdb/noframe/law?d&nd=462504681&prevDoc=462512834> (дата обращения: 28.03.2018 г.).

субъекты, земельные участки которым были предоставлены для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества и тому подобных целей. И здесь нельзя упрекнуть законодателя края в отсутствии логики и неправильности подходов. Ведь, по сути, собственники земельных участков, выделенных под вполне конкретные цели должны быть свободны в осуществлении своих полномочий. А если есть к тому необходимость, пределы осуществления права собственности на земельный участок должны устанавливаться уже гражданским законодательством Российской Федерации. Однако, как говорится, «и на старуху бывает проруха». И это касается п. 3 ст. 1 вышеуказанного закона Краснодарского края. В его тексте оказалось совсем «неожиданное» с точки зрения определенности правового регулирования слово «может». В результате собственник земельных участков, предоставленных для индивидуального жилищного строительства, садоводства, огородничества, в общем, все те лица, исключение для которых были сделаны в п. 1, оказались включены в сферу действия регионального закона, но с «загадочной» приставкой «может». При этом в законе не уточняется, при каких условиях и в каком порядке данное законодательство будет распространяться, в частности, на граждан, которым земельные участки предоставлены для индивидуального жилищного строительства. Ну, вот так фактически сложилась у регионального законодателя не совсем качественная норма с точки зрения юридической техники. Как известно важнейшим требованием юридической техники является конкретность. Конкретность же предполагает, что правило поведения должно быть четко выражено и способно однозначно регулировать определенную сферу общественных отношений². Что касается ст. 1 Закона Краснодарского края «Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае», то в ч. 2 законодатель исключил земельные участки, предоставленные для индивидуального жилищного строительства из сферы своего действия, а в п. 3 сказал о том, что может на них распространяться. В отсутствие специально оговоренных в самой норме условий и порядка распространения на регулируемые общественные отношения, этот пункт с нашей точки зрения не может применяться на практике, ибо однозначно не соответствует требованию конкретности (определенности) правового регулирования. И это вывод первый, имеющий существенное значение для анализируемого нами случая.

Нельзя не обратить внимание и на проблему разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и образующими ее субъектами в тех сферах отношений, которые оказались затронутыми в описанном в начале статьи примере. Что это за отношения по своей сути? Для меня, очевидно, что они являются гражданско-правовыми, поскольку речь идет об осуществлении такого важнейшего вещного

права, как право собственности. С этих позиций данные отношения в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ составляют предмет исключительного ведения Российской Федерации. Однако внимательное изучение конституционных норм привело меня к выводу о наличии некоторого противоречия, допущенного в их содержании. Так, в пп. «в» ст. 72 Конституции РФ вопросы владения, пользования и распоряжения землей включены в совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов, тогда как ч. 3 ст. 36 Конституции страны прямо указывает, что условия и порядок пользования землей должны определяться на основе федерального закона. Вот и получается, что пользование землей одновременно оказалось и в исключительном, и в совместном ведении России и ее субъектов. Профессор С. А. Авакян в своих работах подчеркивает³, что помимо общих конституционных норм, таких как ст. 71, 72 в Конституции РФ содержатся и иные статьи, также указывающие на необходимый уровень законодательного регулирования. Получается своеобразное сочетание общего и специального подходов. Однако С. А. Авакян не уточняет, что делать, если в общем и специальном подходах есть противоречия. Думается, что этот вопрос должен быть разрешен в рамках науки конституционного права. С позиций же цивилистического исследования могу утверждать, что если речь идет об отношениях гражданско-правовых, то предмет ведения, согласно Конституции России (п. «о» ст. 71), является однозначно федеральным. Следовательно, правила для гражданина К., как для собственника осуществляющего правомочия пользования земельным участком в связи с проживанием на нем индивидуальным жилищным строительством, не могли быть урегулированы законом Краснодарского края. Это второй, как представляется, сущностный вывод, который необходимо иметь в виду.

Гражданин К. был привлечен к уголовной ответственности по ст. 260 УК РФ за нарушение правил охраны зеленых насаждений, установленных законом Краснодарского края. Насколько это возможно с позиций законодательства уголовного? Здесь подчеркну, что наиважнейшим принципом уголовного законодательства, является принцип законности. Законность здесь понимается вполне конкретно, а именно: и преступность (противоправность), и наказуемость могут быть определены только УК РФ. Об этом специально упоминает ч. 1 ст. 3 УК РФ. Таким образом, состав преступного деяния может быть предусмотрен только законом, а в Российской Федерации таким законом является единственный нормативный акт – Уголовный кодекс РФ. Предмет любого преступления должен быть четко определен уголовным законодательством также входящим в исключительную компетенцию Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). С учетом данных правил аксиоматично, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности со ссылкой на закон, принятый субъектом РФ, так или иначе

² Кашанина Т. В. Юридическая техника: учеб. / Т. В. Кашанина. 2-е изд., пересмотр. М., 2011. С. 157.

³ Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакян. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 127.

уточняющий предмет того или иного преступления. Соответственно, и предмет такого экологического преступления, как незаконная рубка зеленых насаждений не мог быть, с позиций специального (ст. 3 УК РФ) принципа законности, установлен законодательством субъекта Российской Федерации. Вот почему, как представляется, и привлечение к уголовной ответственности гражданина К., и назначенное ему наказание являются невозможными, а поскольку они фактически имели место, по своей сути, являются незаконными. Это третий сущностный вывод нашего анализа.

Наконец, описанный нами случай является определенным поводом обратиться к такому наиважнейшему принципу гражданско-правового регулирования, как принцип неприкосновенности собственности. В понимании данного основного начала гражданского законодательства возможно обнаружить целый ряд «оттенков» или важных содержательных его элементов. Цивилисты, размышляя над содержанием принципа неприкосновенности собственности, говорят о неприкосновенности имущества собственника в части отсутствия доступа кого-либо к этому имуществу. Неприкосновенность понимается как отсутствие возможности реализации собственником его правомочий. Наконец, с позиции Конституции РФ неприкосновенно должны быть само право собственности⁴.

Действительно, право собственности – это абсолютное гражданское право. По своей сути оно обеспечивает связь субъекта с объектом (индивидуально-определенной вещью) посредством определенных правомочий. Данное право формирует определенный статус субъекта в гражданских правоотношениях⁵. Право собственности осуществляется обладателями по своему усмотрению и не зависит от других лиц. И в данном случае бесплодны теоретические рассуждения о том, «всякий и каждый

обязан не нарушать право собственности (то есть это обязанность) или в данном случае действует императивно некий запрет»⁶. Для права собственности определяющей должна быть свобода действий и независимость. Свободу и независимость собственнику призвано обеспечить действующее гражданско-правовое регулирование. Вот этот момент с необходимостью должен включаться в содержание гражданско-правового принципа неприкосновенности собственности.

А. И. Василянская в системе элементов, через призму которых следует рассматривать принцип неприкосновенности собственности, выделила «невмешательство кого бы то ни было в осуществление права частной собственности»⁷. С этим тезисом невозможно не согласиться, поскольку невмешательство как раз и обеспечивает собственнику необходимую свободу действия. Однако в этот элемент возможно внести уточнение, указав, что в первую очередь должен предполагаться запрет на вмешательство государства, в том числе посредством ненадлежащего и некачественного правового регулирования осуществления права собственности. В описанном нами примере законодатель субъекта Российской Федерации посредством принятой нормы за пределами своей компетенции и с нарушением правил юридической техники фактически вмешался в осуществление права частной собственности на земельный участок, тем самым нарушив наиважнейший гражданско-правовой принцип – принцип неприкосновенности собственности. Вот так сама жизнь, практика имущественных отношений позволяет цивилистической науке уточнять содержание основных начал гражданского законодательства. Одновременно научный анализ позволяет более глубоко и всесторонне оценить фактическое положение дел в каждом конкретном случае, требующем надлежащей правовой оценки⁸.

⁴ Рыженков А. Я. Неприкосновенность собственности как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2013. № 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/neprikosnovennost-sobstvennosti-kak-printsip-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 28.03.2018г.).

⁵ Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: автореф. дис д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 19.

⁶ Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М., 2010. С. 75.

⁷ Василянская А. И. Неприкосновенность частной собственности: понятие, содержание, пределы // Юрист ВУЗа. 2010. № 12. URL: <https://lawforyou.ru/articles/89-publikatsii/77-article-1> (дата обращения: 28.03.2018 г.).

⁸ Впоследствии стало известно, что уголовное дело в отношении гражданина К. было прекращено, а приговор отменен за отсутствием состава преступления. Во многом такому повороту дел способствовало обращение гражданина К. с жалобой в Конституционный суд Российской Федерации. Конституционный суд РФ в связи с прекращением уголовного дела производство по жалобе прекратил. В отсутствие официальной аргументации Конституционного суда РФ, высказанной по данному делу, автору представилось важным дать его анализ с позиций правовой науки.

В журнале публикуются научные статьи, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности предоставляемых материалов, фундаментальности и аргументации выводов.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения редакционной коллегии

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение ее в электронной версии журнала, на сайте факультета, а также в справочно-информационных системах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

Статьи направляются в редакцию по электронной почте по адресу yur-vestnik_kubgu@mail.ru Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал 1, абзацный отступ – 1, верхнее, нижнее поля, правое и левое поля – 2, номера страниц и колонтитулы не проставляются. Допускаются смысловые выделения в тексте отдельных фраз курсивом или полужирным шрифтом, использование для выделения подчеркивания не допускается. В тексте должны присутствовать ссылки на использованные источники.

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и отредактирован. Рекомендуемый объем до 6 страниц. Наличие рисунков, формул, таблиц, диаграмм не допускается.

В статье обязательно должен быть указан код условной десятичной классификации (УДК): слева выше названия статьи, которое пишется заглавными буквами жирным шрифтом 14-го размера. Точка в конце наименования статьи не ставится, переносы в словах не допускаются.

Помимо текста статьи автор предоставляет в редакцию следующую информацию:

1. Ф.И.О. автора (полностью и с переводом на английский язык).
2. Ученая степень и звание.
3. Место работы (с расшифровкой аббревиатур).
4. Должность.
5. Контактная информация (телефон, E-mail) каждого автора.
6. Название статьи (с обязательным переводом на английский язык).
7. Аннотация в объеме 3-4 предложений не более одного абзаца. В аннотации автор раскрывает цель работы, содержание рассматриваемой проблематики, её актуальность и новизну, перечисляет полученные результаты. Приводится перевод аннотации на английский язык.
8. Список ключевых слов (5-7 слов с обязательным переводом на английский язык).
9. Пристайный библиографический список.

На статью в редакцию должны быть предоставлены в оригинальном виде или в виде электронной копии оригинала (отсканированная версия) с заверенной подписью рецензия и справка о проверке текста рукописи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения с приложением сформированного программой заключения.

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, за содержанием материалов, не подлежащих открытой публикации, а также за нарушение исключительных авторских прав (плагиат).

Статьи, опубликованные или направленные в другие издания, не принимаются.

Материалы, представленные авторами в редакцию журнала, публикуются после рецензирования членами редакционной коллегии – специалистами по соответствующей отрасли научного знания.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи.

Оформление библиографических ссылок

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте. В тексте ссылки на используемые источники даются в виде подстрочной сноски (Microsoft Word → Ссылки → Вставить сноску). Для цитируемых ссылок приводятся обязательные элементы описания в их строгой последовательности:

1. Ф.И.О. автора.
2. Название источника.
3. Вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., мат. междунар. конф, тез. докл и т.д), в соответствии с ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88-2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций».
4. Место издания. Если их несколько, между ними ставится точка с запятой.
5. Год издания.
6. Страницы источника, из которого была взята информация.
7. Ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL.: электронный адрес первичного источника обращения, дата обращения.
8. При ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (именно в

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ

такой последовательности). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

График выпуска журнала

Прием статей осуществляется:

№ 1 до 20 февраля

№ 2 до 20 мая

№ 3 до 20 августа

№ 4 до 20 ноября